

Владимирцева Василина

Килим

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Василина Викторовна Владимирцева

Килим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57354523

SelfPub; 2020

Аннотация

Действие повести происходит в альтернативной России 21 века. Данная вселенная представляет собой мировое полотно – Килим, сотканный из нитей судьбы, и маги в этом мире умеют ходить «на Изнанку», где могут совершать манипуляции с нитями. Однако это строжайше запрещено. Главный герой, маг Дмитрий, остро нуждается в деньгах, и потому соглашается на рискованное предложение молодого клиента Егора – за плату провести того на Изнанку, чтобы Егор смог изменить свою судьбу. Но у Дмитрия, помимо денег, есть и другой, скрытый, мотив... Содержит нецензурную брань.

«Килим» – с турецкого «грубо сделанное одеяло», тканый ковер ручной работы, сделанный из разноцветных нитей, чья изнаночная и лицевая сторона практически не отличаются друг от друга.

– Так вот... – Речь говорящего на несколько секунд прервалась хрустом и смачным чавканьем. Наконец, мужчина вытер крошки от чипсов, прилипшие к уголку губ, рукавом куртки и продолжил. – Так вот... ну, я думаю, мало чо, дело, мож, какое важное. Не каждый день такие бабки предлагают. И тут он мне говорит... нет, Дим, ты не поверишь... прикинь, чо этот чудила выкинул? Он мне такой говорит... слышь, говорит, проведи меня на Изнанку?

Мужчина, названный Дмитрием, поперхнулся пивом, которое в данный момент неспешно тянул, и чуть не выронил бокал, однако природная ловкость рук не позволила этому случиться. Дмитрий закашлялся, чувствуя, как защипало в носу и поспешно поставил бокал на столик, от греха подальше.

Его собеседник, кажется, остался довольным произведённым впечатлением и зачерпнул ещё одну горсть чипсов из глубокой тарелки.

Отдышавшись, Дмитрий утёр пот со лба тыльной стороной ладони, убирая прилипшую чёлку, и покачал головой, словно сомневаясь в сказанном.

– Он это серьёзно? Лёх, ты меня сейчас не разыгрываешь?

– Прикинь, да! На полном серьёзе! – Лёха активно закивал головой, при этом яростно жестикулируя, так, что чуть не снёс свой стакан и миску с чипсами. – Я сначала тоже подумал, что этот чудила стебётся, даже думал ему печать на лоб поставить, не охренел ли, с магами шутки шутить? Но говорю тебе – он на полном серьёзе! Он сначала косарь предлагал, а как увидел, что я ща в узел завяжу, начал чуть ли не в руки бабки сувать, говорит, если надо, он больше достанет, хоть пятьсот, хоть сколько.

Дмитрий невыразительно хмыкнул.

– А ты что?

– А я чё? Дурак что ли? Конечно послал его на хер, и ещё пинка отвесил, чтобы даже не думал возвращаться. Я, знаешь ли, профессионал, мне репутация дороже денег. – На этих словах Лёха одним шумным глотком осушил свой бокал и щёлкнул пальцами. Над его головой тут же загорелся белый шарик мягкого света размером с пятирублёвую монету. Заметив свет, к столику тут же подскочила расторопная официантка. Лихо улыбнувшись ей, Лёха заказал себе ещё одну пачку чипсов и бокал светлого.

– Дим, тебе повторить?

– Да не, не надо. – Тот мотнул головой и задумчиво уставился на дно стакана, которое, к сожалению, уже было видно сквозь остатки жидкости. – Хватит уже, а то порт неправильно нарисую, очнусь где-нибудь в подворотне, меня На-

ташка утром прикончит.

– Чудной ты, Димка. – Лёха излишне громко рассмеялся, однако, на счастье, в баре, во-первых, играла музыка, во-вторых, было не так много людей, которых они могли потревожить, а в-третьих – никто бы не стал связываться с пьяным магом. – Ща же всё на принтере распечатал – и пошёл. Один раз начиркал в фотошопе там, ну на худой конец, отсканил свой рисунок – сделал сто штук копий, и не паришься. Я ща вообще порты перестал рисовать, с порттрэвела всё качаю. Там месячная подписка чот около двух косариков в месяц стоит, зато можно качать неограниченно порты в самые красивые места мира, куда тебя б точно никогда не занесло. Заповедники там всякие, первозданные местечки, куда только захочешь.

– И долго они останутся первозданными? – Дмитрий хрипло рассмеялся, но затем покачал головой. – Не, мне как-то... своей рукой надёжнее, знаешь. По крайней мере, если я совершу ошибку, я буду знать, что сам виноват, а не какой-то анонимный олух из интернета.

– Ну, как знаешь. – Лёха пожал плечами и с удовольствием запустил руку в чипсы, затем вскинулся, а бледные глаза его оживленно вспыхнули. – Да, кстати! Я ж про чудилу этого поспрашивал! Прикинь, он не только ко мне сувался! Ещё к Сашке Темному, к Анатолю, к Бражке, к куче народу, даже к Максиму, прикинь!

– К Максиму? Но ведьмы же не ходят на Изнанку! – Дмит-

рий нахмурился и задумчиво почесал подбородок, заросший темной колючей щетиной.

– Никто сейчас не ходит на Изнанку! – воскликнул Лёха и рассмеялся собственной шутке, а затем резко наклонился к приятелю и заговорщически подмигнул. – Я те о чём и толкую, Дим. Этот челик ваще нихера не шарит, даже в простейшие вещи. Будь я чуть менее порядочным, я бы его облапошил, прост как липку ободрал бы – наобещал бы с три короба, взял бы деньги вперёд, а потом затуманил бы ему мозги, с такими придурками, как он, это легче лёгкого повернуть. Ваще, честно, я даже удивлён, что его ещё не нае...

Его речь прервал какой-то шум со стороны входа. Мужчины оба повернули головы, вглядываясь в полумрак подвального помещения. Вокруг столика рядом со входом разгоралась нешуточная ссора. Дмитрий не мог различить отчетливые фразы в шуме музыки, однако зрение у него было довольно острым, даже несмотря на годы, проведенные над учебниками, напечатанными (или написанными) преимущественно мелким шрифтом.

А посмотреть было на что. Один из сидящих за столиком посетителей – мужчина с косматой копной длинных волос – разгневанно вскочил, что-то доказывая молодому человеку напротив него.

Патлатого Дмитрий признал почти сразу – кажется, его звали Велисиром, – он был один из магов-постоянников бара. Его спутники, кажется, тоже были магами. Чуть бо-

лее трезвые, чем Велисир, сейчас они хватали вспыльчивого приятеля за руки, чтобы тот не натворил дел. Однако пока что вышибала у входа не вмешивался. В конце концов, «Забористое Зелье» был баром, открытым магом для магов, поэтому летающие скамейки и стулья там были нередким делом. Пока же даже до этого ещё не дошло.

А вот молодой человек, вызвавший гнев Велисира, был Дмитрию незнаком. При этом выглядел он весьма занятно. Дмитрий дал бы ему около двадцати лет, довольно высокий и худой парень был одет с иголочки. Однако или по тому, как одежда на нём висела, или по тому, как он держался, создавалось впечатление, что не он сам выбирал себе костюм – несмотря на то, что все вещи сочетались, брюки казались ему великоватыми, а укороченный стильный кожаный плащ висел у него на плечах унылой тряпкой. В довершение всего голову его венчала копна светлых кудрей, больше похожих на овечью шерсть, чем на волосы, а с носа норовили сорваться очки.

Иными словами, вида парень был совершенно нелепого.

– О, да это ж чудила! – Удивлённо воскликнул Лёха, хлопая Дмитрия по плечу. – Охренеть, он чё, сюда припёрся себе проводника искать? Лол, его ж ща Велисир на тряпки порвёт...

Действительно, атмосфера накалялась, Велисира держали уже четверо, а парень, словно не понимая, в какой ситуации оказался, продолжал терпеливо тому что-то втирать.

Наконец, видимо, сотрудикам это надоело, и за спиной паренька возникла невысокая фигура вышибалы. Он едва ли достигал возмутителю спокойствия до плеч, однако сила мага кроется не в мускулатуре. Парниша, видимо, почувствовал неладное, потому что обернулся – и в этот момент вышибала с силой шлёпнул ему на грудь листочек с распечатанным портом и прижал ладонью. На долю секунды нарисованные символы на бумаге вспыхнули голубым светом, а затем парень просто исчез, как будто его и не было, а листочек рассыпался прахом. Вышибала удовлетворенно кивнул и снова скользнул в тень, а Велисир наконец-то позволил себя усадить за стол. Гомон постепенно стих.

Дмитрий последним глотком осушил стакан и задумчиво взглянул на часы.

– Знаешь, Лёх, я, пожалуй, пойду. Поздно уже, Наташка волноваться будет.

– Эх, Димка-Димка... вы только поглядите, ну, а? Же-натый человек... – протянул Лёха, ухмыляясь и рисуя в воздухе знак ограждения от зла – по сути, совершенно бесполезный, но являющийся общепризнанным знаком приветствия и прощания у магов. В конце концов, не пожимать же руку на прощание? Руки для мага – самый ценный рабочий инструмент, и здороваться за руку – всё равно что скрещивать мечи.

Дмитрий начертил знак в ответ и, быстро набросив кожанку, висевшую на спинке стула, направился к выходу, не

забыв оставить на столе плату за вечер и какие-никакие чаевые. На самом выходе он обернулся, на прощание начертив знак ограждения от зла – ко всем в целом и ни к кому в частности – и вышел на улицу.

Октябрь в этом году вышел сырым и промозглым, но не слишком холодным – лёд ещё не покрыл луж, однако влажный настойчивый ветер пробирал до костей, легко продувая джинсы и заставляя Дмитрия ёжиться. Всё-таки стоило послушать Наташку, которая все уши ему утром проворчала: «Надень куртку, надень куртку, замёрзнешь»...

Что он ей тогда сказал? «На что мне куртка, порт нарисовать две минуты?» Ну-ну. Надо будет всё-таки проверить, нет ли у Наташки в роду ведьм... магического дара у жены не было совершенно, и родители тоже были обычными людьми, но вот её чутьё порой даже самого Дмитрия поражало.

От размышлений Дмитрия отвлекли звуки, недвусмысленно намекающие, что кому-то сейчас явно очень плохо. Маг хмыкнул и не спеша подошёл к мусорным бакам, из-за которых и доносился шум.

Увиденная картина его ничуть не удивила – у людей неподготовленных телепортация, особенно принудительная, часто вызывала тошноту.

Дмитрий равнодушно смотрел, как парень, которого недавно вытурили из бара, согнувшись в три погибели, избавляется от содержимого своего желудка. Задумчиво пошарив по карманам, маг наткнулся на носовой платок, заботли-

во припрятанный в уголке. *«Наташа, конечно»* .

Дмитрий протянул находку пареньку, и тот, похоже, только заметивший, что больше в подворотне не один, сначала заметно вздрогнул, но затем благодарно принял платок и отёр им рот.

– С..спасибо. – Голос у него тоже оказался какой-то... нелепый. Мальчишечий, словно не до конца ещё сломавшийся, хотя парень явно уже перешагнул порог полового созревания.

– Слышал, ты ищешь проводника? – Голос Дмитрия звучал равнодушно, да и взгляд его выражал крайнюю степень безразличия, но лицо паренька в секунду прояснилось, а голубые глаза вспыхнули надеждой.

– Да, я...

Дмитрий грубо его перебил:

– Завтра, два часа ночи, под первым пролётом метрооста. Приходи один.

Парень открыл было рот, но маг резко наклонился к нему и взглянул прямо в глаза. Два чёрных омота словно высосали из мальчишки всю волю и он только кивнул.

– И да. – Хриплый низкий голос мага вдруг зазвучал глуше, и от него повеяло могильной холодцой. – Если ты кому-нибудь скажешь хоть слово, можешь не беспокоиться. Никто тебя никогда не найдёт. Даже на Изнанке.

Паренек судорожно закивал, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Дмитрий молча кивнул и развернулся, собираясь уходить, когда его настиг звонкий голос:

– А под каким первым пролётом – справа или слева?

Дмитрий чуть не споткнулся, не веря своим ушам.

«Он что, настолько идиот?»

Огромным соблазном было ляпнуть «сбоку», но мало ли, что тогда ещё этот полудурок выкинет, поэтому он просто буркнул:

– С правого берега. – И завернул за угол, больше не оборачиваясь.

* *

В баре Дмитрий, конечно, лукавил. Порт к дому он мог нарисовать, пожалуй, даже в полностью бессознательном состоянии – это первая схема, которую заучивают ученики на занятиях по транспортиации, и рука, отрисовавшая тысячи копий одного и того же знака, в итоге, помнила его едва ли не лучше, чем голова. В одно мгновение он рисует мелком нужные символы на ближайшей чистой стене, в другое – стоит в прихожей их квартиры, борясь с лёгким головокружением.

Дмитрий хотел как можно тише раздеться и снять обувь, но в этом не было нужды – в гостиной горел свет, а прямо напротив него на диване сидела одна крайне недовольная женщина.

– Ты видел, который час?

Дмитрий не видел. Всё, что он видел – это знакомая морщинка над двумя светлыми бровями, сошедшимися над пе-

реносицей. Он должен был перестать уже подмечать эти детали спустя пять лет, но всё равно не мог остановиться, взгляд его рассеянно блуждал по родному лицу, подмечая поджавшиеся губы, чуть вздёрнутый крупноватый нос и две крохотные родинки на подбородке.

Нет, эту женщину нельзя было назвать красивой или даже хорошенькой. Скорее – простоватой. Её лицо было из тех, что каждый день видишь в толпе – и моментально забываешь, поскольку оно... обычное. И длинные волосы, лежащие растрёпанной косой на плече, тоже были темно-русого, невыразительного цвета, какой встретишь у каждого третьего в их стране.

Наконец, его взгляд остановился на голубых глазах. Те бесстрашно взглянули на него в ответ, гневно сверкая, отчего казались ещё ярче, а карие крапинки на радужке – наоборот, темнее.

Удивительные, живые, глубокие глаза, которые, будь Наталья ведьмой, метали бы сейчас настоящие молнии.

Но за завесой гнева Дмитрий всё равно разгадал хорошо спрятанную тревогу.

– Всё хорошо. – Успокоил он жену.

– Я не спрашиваю, как у тебя дела! – Женщина гневно всплеснула руками, но осталась сидеть, не вставая навстречу. – Я спрашиваю, видел ли ты, который час!

Однако напряжённые до того плечи медленно расслабились, а поджатые губы чуть смягчились.

– Извини. Коллега пригласил выпить после работы. – Дмитрий неловко развёл руками и наклонился, стягивая старые кроссовки, не развязывая шнурков.

– И ты, конечно, забыл мне позвонить! – Дмитрий снова проследил, как светлые брови, до того образовавшие острую «галочку» над переносицей, взмыли вверх, а губы жены скривились в ядовитой усмешке.

– Забыл. – Покаянно кивнул мужчина и, сбросив куртку, в два шага преодолел расстояние до дивана. Он наклонился к жене, чтобы поцеловать, и та, несмотря на справедливый гнев, подалась навстречу. – Телефон на работе забыл.

Та только вздохнула.

– Я ужин приготовила. – В голосе Наташи слышался упрёк, однако уже не было гнева или язвительности. – Остыл давно.

– Так давай я подогрею. Будешь со мной?

Дмитрий знал, что Наташа, не обладая магией, любила смотреть, как он колдует. У них была микроволновка, но зачем заморачиваться, если можно согреть тарелку руками, а заодно позабавить жену?

– Ну так что?

Наташа прилегла на подлокотник дивана и, подперев голову ладонью, улыбнулась и покачала головой. От бывшего гнева не осталось и следа.

– Нет, спасибо. Я не голодная. Разве что у тебя пару раз откушу.

Дмитрий быстро чмокнул жену в лоб, отчего та поморщилась – фу, колючий! – и принялся хозяйничать на кухне. Наташа сонно смотрела, как он накладывает себе вермишель и котлету, а затем, поместив тарелку между ладоней, поднимает её в воздух. Дмитрий подмигнул жене, на что та искренне, но устало улыбнулась. Наташа была истинным жаворонком, и оставаться на ногах после десяти для неё было совершенно не свойственно – и главное, нелегко.

– Как у тебя на работе делааааа... – конец фразы потонул в сладком зевке, и Дмитрий спрятал улыбку в кулак. Наташа вполне могла подумать, что он над ней смеётся, и обидеться, но к счастью, та ничего не заметила.

– Хорошо, сегодня с ребятами прокладывали ещё один участок туннеля. Наверное, к концу недели управимся. Станцию должны открыть через три месяца, но над ней уже не мы работаем. – Дмитрий пожал плечами, краем глаза поглядывая на жену. Наташа прикрыла глаза и согласно что-то промычала. Немного помолчав, маг осторожно добавил:

– Думаю, нашёл неплохую подработку. Обещают хорошие деньги.

Уловив что-то в его тоне, Наташа распахнула глаза, и, хотя Дмитрий старался вести себя, как обычно, на лбу у неё снова появилась тревожная складочка.

– Не беспокойся, ничего серьёзного. – Он нарочито беспечно улыбнулся и махнул вилкой, отчего наколотая на зубчики макаронина слетела с неё и плюхнулась на кафель. На-

таша нахмурилась ещё сильнее, но ничего не сказала. – Один богатенький парень хочет организовать свадьбу, обязательно чтоб с путешествием по самым известным местам мира, Париж там, Нью-Йорк, Сидней, куда там ещё. И ему нужен маг, чтоб нарисовал порт, способный вместить всю его семью и приглашённых гостей. Меня ему порекомендовали парни, сказав, что я лучший в этом деле, так что... посмотрим, сколько он предложит. Может, и не стоит хлопот.

Наташа облегченно улыбнулась и расслабилась, но лёгкая тень тревоги всё равно осталась в глубине её глаз.

– Хорошо... ты ведь правда лучший. – Она тихонько хихикнула и качнула головой. – Но всё равно... будь осторожнее, ладно?

– Мы, маги, всегда осторожны. – Дмитрий подмигнул ей и принялся за остатки еды. Когда же он закончил, Наташа уже погрузилась в глубокий сон, тихонько посапывая на краю дивана.

Мужчина осторожно поднял Наташу на руки и перенёс в спальню, аккуратно уложив на кровать. С минуту он молча изучал её спокойное лицо, затем аккуратно снял с неё свитер и домашние лосины – Наталья даже не пошевелилась. Дмитрий укрыл жену одеялом и медленно выдохнул.

На самом деле, он не был столь уверенным, каким хотел показаться. И он ненавидел лгать жене. Конечно, Наташа почувяла неладное – но у неё никогда не было повода усомниться в нём или в его словах. В самом начале отношений они

покаялись никогда друг другу не лгать. И вот теперь, до чего они оба докатились...

Может, Дмитрия и нельзя было назвать самым внимательным человеком на земле, но он любил свою жену, и научился подмечать всё, что связано с ней. Как то, что она не встала ему навстречу. Или тёплый зимний свитер. Наташа терпеть его не могла, говорила, что он невыносимо колется.

Но всё меняется.

Дмитрий бросил ещё один долгий взгляд на жену и тихо вышел из комнаты.

Ему нужно было подготовиться к завтрашнему делу.

* *

Вторник, казалось, тянулся бесконечно, не в пример вчерашнему дню. Дмитрий изо всех сил старался не нервничать – по крайней мере, не показывать этого, но даже коллеги что-то заметили.

– Ты чот какой-то дерганный сегодня, Сергеич, случилось чего? – спросил его прораб, когда они прервались на обед, но Дмитрий только покачал головой.

– Не выспался. – Тихо ответил он и пожал плечами. Тем более, это было правдой. В конце концов, лег он около пяти утра, а заснуть удалось и того позже.

Но если с коллегой было просто, то от жены скрыть свою тревогу Дмитрий даже не надеялся. Наташин «радар неприятностей» всегда работал на полную мощность. Большую часть ночи и дня Дмитрий провел в раздумьях, как избежать

расспросов. Он знал, что Наташка непременно начнёт волноваться, а когда она тревожится – то первым делом начинает злиться. А если он откажется отвечать (или соврёт, а она его на этом поймает) – дело закончится ссорой. Более того, он нанесёт жене обиду. А если всё-таки Наташа каким-то образом узнает, на какую глупость он пошёл...

Наташка была человеком тихим и мягким снаружи – но с железным стержнем внутри. Она редко по-настоящему злилась и быстро отходила, предпочитая идти на компромисс. Однако были некоторые вещи, которые просто не обсуждались. Одна из таких вещей – Дмитрий, рискующий собой. Узнай Наталья о его ночном дельце... одними криками дело бы не ограничилось. Возможно, пришлось бы покупать новый сервиз.

На самом деле, поймать летающие по дому тарелки Дмитрию не составило бы никакого труда – более того, когда они с Наташкой первый раз крупно поссорились, он так и сделал. Чего он не ожидал, так это того, что жена – тогда ещё будущая – разъярится ещё сильнее и просто выставит его из дома. Телепортироваться обратно он не рискнул (хотя мог бы, конечно) и вместо этого пошёл ночевать к давней знакомой ведьме, заодно решив спросить совета – что он, в конце концов, не так-то сделал?

У Максимы, в свою очередь, дома оказалась смородиновая настойка, и плохой вечер плавно перетёк в старые добрые философствования на кухне. Максима долго выслуши-

вала его рассказ, и наконец, затянувшись тонкой ароматной сигареткой, мудро изрекла:

– Димочка, пойми, тарелки бросают, чтобы они разбивались. Нет лучшего способа помириться, чем совместное собирание осколков. Хотя будь я на месте твоей девушки, я бы кинула в тебя сковородкой – удовольствие то же, зато стекла потом убирать не надо.

– Да пошла ты! – Вяло огрызнулся Дмитрий, но на будущее запомнил.

К их с Наташей чести, надо сказать, что осколки за дальнейшие пять лет пришлось собирать всего два раза, да и то, один не считается.

На этот раз Дмитрию повезло – уже перед самым концом рабочего дня жена позвонила ему, и сказала, что её позвали на спонтанный «девичник», и, скорее всего, дома она появится только завтра. Маг глубоко выдохнул, скрывая облегчение. В гостях Наташа расслабится и забудет на время о своем муже, любящим вляпываться в неприятности (хотя вот это была не правда – он любил неприятности не больше, чем кто-либо другой). А ему не придётся подмешивать жгун-корень в вечерний чай, чтобы жена наверняка крепко спала ночью.

Дмитрий не сильно верил в подарки судьбы, однако пока что всё складывалось наилучшим образом.

Было уже почти два пополуночи, он стоял у назначенного места и неторопливо дымил стрельнутую у ночного про-

хожего сигарету, глядя, как потоки дыма, не успевая даже свернуться в облачка, развеиваются сырым ветром с реки. Погода портилась.

Для любого, кто бросил бы взгляд в сторону моста, Дмитрий выглядел как обычный запоздалый гуляка, пропустивший последний поезд метро, а теперь ждущий такси.

Маг ещё раз затянулся, чувствуя, как горячая горечь разливается на языке, и закашлялся. Отвык. Он не курил уже более пяти лет – бросил, когда начал встречаться с Наташкой, потому что та не выносила запаха табака.

– Не сильно-то и успокаивает. – Пробормотал он себе под нос и глянул на старые наручные часы, доставшиеся от деда. Осталось ещё пять минут. Не то, чтобы клиент запаздывал – но Дмитрий отчего-то ожидал, что тот придёт раньше.

На самом деле, поводов для тревоги не было. Дмитрий не первый раз был на Изнанке, в свое время ходил туда, как к себе домой, водил туристов и прочую клиентуру. Чем этот раз должен

отличаться? Они просто придут, сделают дело и вернуться обратно, а потом он портанётся домой, с приличной суммой денег в кармане.

У него мелькнула было мысль написать Максиме или тому же Лёхе, чтобы те позаботились о Наташе, если вдруг что-то случится, но он быстро её отмёл. Во-первых, так его друзья сразу заподозрят, что у него неприятности, а во-вторых – дурная примета. Будто он и сам верит, что что-то плохое

может произойти.

Эхо приближающихся шагов вывело его из раздумий, а затем из темноты показалась долговязая фигура, кутающаяся в пальто.

– Извините, я опоздал... – Вчерашний парень неловко кивнул магу и протянул ладонь для рукопожатия.

Дмитрий смерил её долгим нечитаемым взглядом.

– Ой, черт, извините, я совсем забыл, маги же не здороваются... – Парень резко отдернул руку и спрятал её в карман, ему было явно очень не по себе. – Я Егор.

– Дмитрий. – Докурив сигарету, Дмитрий бросил бычок на землю и одним аккуратным движением втоптал его во влажный асфальт. Кажется, начинался дождь. Хорошо. Он их скроет.

– Очень приятно! – уголки губ Егора дернулись в нервной улыбке и тут же скользнули вниз. – Дмитрий, спасибо, что согласились отвести...

– Я не соглашался.

– ...Что, простите? – Парень замер, резко вздёрнув голову, и уставился во все глаза на мага, тщетно пытаясь разглядеть в сгущающейся темноте его лицо. – Но вы вчера сказали...

– Я сказал тебе прийти сюда. Но я пока ни на что не соглашался. Более того, я пока не слышал твоего предложения.

Егор быстро облизнул губы и слегка качнулся на носках, словно о чем-то раздумывая или собираясь с мыслями, затем

решительно выдохнул.

– Мне нужно, чтобы вы провели меня на Изнанку, но вы это и так знаете. Я заплачу, сколько скажете – триста, четыреста, пятьсот... у меня есть деньги!

Дмитрий склонил голову на бок, изучающим взглядом окидывая парня. Интересно, откуда? Может, от богатых родителей... одевался-то парниша явно не в сэконде. С другой стороны, для мажорчика слишком робкий. Впрочем, это не его дело.

– Зачем?

– Что? Не понял...

– Зачем тебе на Изнанку? – терпеливо повторил Дмитрий. Затем, секунду подумав, пояснил. – От этого напрямую будет зависеть ценник.

– А... ох. – Егор поправил очки, которые опять сползли с носа, и скривился, как от зубной боли. – Понимаете, это очень долгая история, и во многом личная, я не знаю, что могу рассказать, но здесь замешаны...

– Меня не интересует твоя история, и уж тем более, какие-то подробности. – Снова прервал его маг, качая головой. – Меня интересует, зачем тебе на Изнанку – просто посмотреть или ты планируешь какие-либо манипуляции с нитями?

– Ааа... – протянул Егор и, кажется, немного успокоился, поняв, что ему не придётся изливать душу совершенному незнакомцу, который, к тому же, выглядел довольно пугаю-

ще – рослая фигура в черной куртке, лицо спрятано в тени капюшона, только глаза изредка вспыхивают, ловя отблеск фар проезжающей мимо машины. И голос – хриплый, низкий, жуткий...

– Я... я хочу развязать узел, да. Я так думаю. Я думаю, что он там должен быть.

Дмитрий кивнул сам себе. Иначе и не могло быть – навряд ли парень так лихорадочно искал бы мага-проводника, если бы хотел просто поглазеть. Дмитрий не слишком-то верил, но до последнего надеялся, что удастся отделаться малой кровью. Но нет – так нет. Зато будет повод поднять ценник.

– Семьсот. За меньшее не пойду.

Егор широко распахнул голубые глаза, а очки ещё больше усилили эффект, отчего начало казаться, что те вот-вот выскочат из орбит. Кажется, парень даже приоткрыл рот от возмущения – «Это же грабёж!» – явно читалось на его лице, однако эмоции быстро начали сменять одна другую – и вот уже в глазах Егора мелькает осознание – а затем и восторг.

– Так вы согласны?!

– Как я уже сказал, семьсот. Половину сейчас, половину – по возвращении. Слушаешься меня беспрекословно, делаешь всё, что я говорю и не делаешь ничего, что я не разрешил.

– Да, да, да, да... – Егор судорожно кивал на каждое слово, да так сильно, что у него с головы чуть не слетела шапка.

– Погоди. Ещё не всё. У меня есть ещё одно, главное условие.

– Я согласен! – Быстро выпалил Егор, не дав магу договорить.

Дмитрий глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Чем дольше он говорил с этим «клиентом», тем прочнее в груди укреплялись нехорошие предчувствия. Как там его Лёха называл? «Чудила»? Да уж...

Парень тем временем достал из кармана увесистую пачку банкнот и начал отсчитывать деньги. В темноте это получалось у него не очень.

Дмитрий не верил своим глазам – этот... Егор... он что, носил крупные суммы прям так? В кармане? Откуда он вообще такой выполз? Маг ещё раз отогнал от себя лишние мысли. Ему не нужно было ничего знать о клиенте. Лишь бы тот платил. Наличка, так наличка.

Подавив вздох, Дмитрий щёлкнул пальцами, создавая тусклый шар света над ладонью.

– О, спасибо! – Выпалил Егор и быстро отсчитал нужную сумму под пристальным взглядом мага. Взяв пачку, Дмитрий аккуратно запрятал её во внутренний карман куртки и быстро погасил свет. Ему не хотелось привлекать лишнее внимание.

– Хорошо. А теперь слушай меня. На Изнанке мы ничего – НИЧЕГО, слышишь? – не трогаем, пока не найдем нужное тебе место. – Дмитрий старался говорить медленно и разме-

ренно, надеясь, что этот юродивый запомнит хотя бы часть из сказанного. – Некоторые нити слишком тонкие и рвутся от малейшего прикосновения. Ты же не хочешь прервать ненароком несколько десятков жизней?

Егор отчаянно замотал головой.

– Хорошо. Делай, как я скажу, и, если нам повезёт, мы без проблем сгоняем туда-обратно. А теперь держи.

Егор близоруко прищурился, пытаясь разглядеть маленький предмет, который ему сунул в руку маг, а разглядев, удивлённо вскинулся.

– Ээээ... спасибо, но я не курю.

– Теперь куришь. – Отрезал Дмитрий. – Ты, кажется, сказал, что будешь беспрекословно меня слушаться? – Маг снова щёлкнул пальцами, на этот раз создавая на подушечке указательного пальца небольшой язычок пламени. – Давай, прикуривай.

Егор всё ещё колебался, встревоженно поглядывая то на Дмитрия, то на аккуратную самокрутку у себя в руках.

– Это волшебная самокрутка?

Дмитрий закатил глаза. Волшебная самокрутка, серьёзно? Жаль, он не сможет рассказать об этом Лёхе, тот бы смеялся до колик.

– Да-да, волшебная, конечно. Парень, мне надо, чтобы ты расслабился, слышишь? Людей и так тяжело протаскивать между нитями – вы слишком громоздкие, а ваш разум слишком неповоротливый, он постоянно цепляется за реальность,

и чем стрессовее ситуация, тем отчаяннее он пытается найти успокоение в привычном. Поэтому глубоко затынись – и расслабься, а я всё сделаю.

Егор, наконец, послушался и осторожно втянул в себя дым.

– Не беспокойся, это не табак. – Утешил Егора маг, отчего тот резко закашлялся. В этот момент Дмитрий резко схватил его за руку – *и провалился сквозь.*

Дмитрий не врал – людей действительно было нелегко тащить на Изнанку. В то время как маги легко проскальзывали между нитями реальности, как стальные иглы сквозь полотно, разум людей всеми силами цеплялся за Лицевую сторону. В конце концов, их и не должно было быть на Изнанке. Не должен человек видеть свою судьбу и то, как творится жизнь. Так, по крайней мере, считали ведьмы – потому принципиально не ходили на Изнанку, хотя могли. А уж о том, чтобы исправить ошибки прошлого, не шло и речи – любые манипуляции с нитями Ведьмы считали нарушением «вселенского баланса» или чем-то вроде того. Однако спасибо хотя бы и на том, что, открыто осуждая, они, тем не менее, не вмешивались.

Дмитрий открыл глаза и выдохнул, отпуская руку Егора. Тот стоял рядом, откашливаясь и пытаясь прийти в себя.

– Эй, это что за шутки... – Начал было парень, поднимая голову, но осёкся – и замер, во все глаза разглядывая окружение.

Дмитрий украдкой поглядывал на Егора – наблюдать за первыми визитами туристов всегда занимательно, даже если приходится быть настороже. А поглядеть было на что. Очки – точнее, их проекция на этой стороне – окончательно свалились, шапка сбилась набок, а полы бордового шарфа подметали плиты. Выражение удивления на лице Егора замерло, а затем сменилось разочарованием.

– Я... я думал, она другая. И это всё? – Голос Егора был похож на голос ребенка, которому родители обещали конфету, а она оказалась с ликёром.

Дмитрий позволил себе тихо рассмеяться.

– А чего ты ожидал? Это Изнанка нашего мира, по-твоему, она сильно отличается от Лицевой стороны? Тем более, твой разум не приспособлен видеть нити Мирового полотна, поэтому он автоматически подстраивает всё невыразимое и необъятное под твои представления о мире, в котором ты живёшь. Так сказать, подгоняет под более привычные модели. Мы стояли под мостом – и теперь продолжаем под ним стоять, просто с другой стороны.

Егор медленно поднялся и огляделся ещё раз. Действительно, Изнанка не представляла собой ничего необычного – те же пейзажи, те же дома, всё тот же город. Но кое-что и отличалось. Например, всё было залито белым светом, но откуда он шёл, было непонятно. А ещё...

– Тут так тихо... – Прошептал парень, и Дмитрий согласнo кивнул, внимательно оглядываясь. – И людей нет...

– Здесь некому особо шуметь, сам понимаешь. – Хмыкнул маг, а затем улыбнулся одними уголками губ. – А вот насчёт людей ты не прав.

Он аккуратно взял Егора за плечо и подвёл к опоре моста.

– Присмотрись. И напоминаю – ничего не трогай.

Парень недоумённо взгляделся в каменную кладку... но в каменную ли? И действительно ли кладку?

– Это... это не камень... это ткань? Ой... боже, это что, оно и есть? Полотно?! Тут столько нитей... это что, всё они? То есть... мы?! – воскликнул парень, восторженно озираясь.

– Тише ты! – Шепотом рывкнул Дмитрий, с силой сжимая плечо Егора, и беспокойно огляделся. – Ещё услышат...

– Ткачи? – Егор выдохнул это слово почти неслышно, с едва скрываемым восхищением. – Я так хочу увидеть одного...

– Типун тебе на язык, парень, ты что, совсем без мозгов?! Ты хоть представляешь, что с нами сделает Ткач, если найдёт? Думаешь, тебе просто так все маги отказывали? Умрёшь на Лицевой – и твои нити останутся во Вселенском гобелене, разозлишь Ткачей – и они просто вырвут твои нити из Полотна! Да ты тут хоть миллион предложи – шкурой своей рисковать никто не захочет.

Егор смотрел на Дмитрия широко распахнутыми глазами и молчал. Кажется, до него только начала доходить опасность всего предприятия. А затем что-то мелькнуло в голубой глубине его глаз, некая мысль, и Егор медленно проговорил:

– Господин маг... а какое второе условие нашей сделки?..

* *

Тишина Изнанки никогда не действовала Дмитрию на нервы, совсем наоборот. Раньше, путешествуя по Изнанке, маг любил закрыть глаза и прислушаться. Если продержаться так достаточно долго, то может начать казаться, что тишина Изнанки – мнимая, и всё вокруг – стены, дороги, улицы – издают едва слышный шорох. И если очень вслушиваться, то почти можно услышать, как нити ткут сами себя, трутся друг о друга, завязываясь в узлы и разрываясь в тонких местах.

Но, конечно, это всё воображение.

Нет, тишина Дмитрия совсем не раздражала. В отличие от Егора.

Надо отдать парню должное – руки тот держал при себе, однако то и дело останавливался, разглядывая ту или иную часть Полотна, предварительно снимая очки и восторгаясь. Излишне громко восторгаясь.

Дмитрий с силой сжал переносицу двумя пальцами, борясь с нарастающей головной болью и огромным соблазном вывалиться обратно на Лицевую сторону, оставив Егора здесь. Раньше он бы и внимания не обратил на впечатлительного туриста – многие новички на Изнанке цепляются за возможность подсмотреть, как творится жизнь, и не то чтобы Дмитрий не разделял восторгов Егора. Изнанка действительно была удивительна. Но в их ситуации, когда тишина была критически важной...

Дмитрий не выдержал и тихо рывкнул на парня, изо всех сил стараясь не поднимать голоса.

– Слушай сюда, чудила, я напоминаю, что посмотреть на чужую жизнь тоже стоит денег. Мы сюда пришли развязывать твой узел. Если хочешь глазеть направо и налево, рассчитывай на иные тарифы. И я уже сказал – БУДЬ. ПОТИШЕ.

– Извините. – Егор как-то весь разом сник, ссутулив плечи, а уголки его губ скорбно скользнули вниз... но в следующую секунду глаза его вспыхнули с новой силой.

– Господин маг, а вы хоть раз видели Ткача? – Спросил он, на этот раз шепотом.

– Не видел. – Буркнул Дмитрий. – И молю всех богов, чтобы никогда не увидеть.

– А как вы... погодите. Так боги правда существуют? – Егор задержал дыхание, внимая. Неужели ему сейчас откроют ещё одну тайну Вселенной?

– Да чёрт их знает, – отмахнулся маг, оглядывая залитый светом перекрёсток и внимательно изучая дороги, на которых не было ни машин, ни уж тем более, людей.

– Так куда нам, парень? – вопрос Дмитрия застал Егора врасплох, потому что тот чуть не споткнулся. Но несмотря на то, что парнишка воззрился на мага сверху вниз, всё равно казалось, что это Дмитрий взирает на него с высоты.

– Что? Р-разве не вы нас ведёте?

– Разумеется нет. – Дмитрий фыркнул. – Парень, ты что,

вообще ничего про Изнанку не читал? Ты разве не должен был подготовиться? Обычно люди хотя бы учебники изучают, чтобы знать, чего ждать. – Маг покачал головой, словно гадая, как Егор мог знать про узлы и Ткачей, но ни разу не столкнулся с описанием Изнанки в литературе. – Человек всегда чувствует свою нить. Она зовёт его. Я не могу тебя вести, просто потому, что я – не ты, и никогда не найду твою нить в огромном полотне Изнанки, но зато легко отыщу свою.

Егор вспыхнул до корней волос и резко подвинул очки обратно на переносицу, словно пытаюсь спрятаться от пытливого взгляда своего проводника за толстыми стёклами.

– По-понимаете, господин маг, сейчас столько всего говорят... или *не* говорят. Ваши коллеги просто отказывались со мной беседовать, а в интернете столько различных постов и статей, что не знаешь, чему верить. Очень много фейков! – Егор поджал губы и всплеснул руками, едва не наступая на волочащийся шарф. – А учебники для магов не-магам не продают! И это чудовищная несправедливость! Как мы должны узнавать о мире, если доступ к достоверной информации для нас закрыт? Я столько всего перелопатил, но у меня почти не было времени, а моя сестра сказала, что я вообще страдаю ерундой, и не стоит даже пытаться, но я должен был, понимаете?! Они все не заслужили того, что с ними стало из-за меня! Я просто обязан всё исправить!

– Да-да, парень, я понимаю. – Маг склонил голову в знак

согласия, отчего капюшон его старой ветровки ещё больше скользнул на глаза. Дмитрий действительно понимал желание «всё исправить» – разве он не человек? Это вполне естественно – сожалеть о содеянном, об ошибках юности или о каких-нибудь роковых мелочах. Многие маги видели вселенскую несправедливость в том, что, умея ходить на Изнанку, они не могли ничего изменить. Но потом кто-то додумался взять с собой на изнанку пассажира...

– Ты думаешь, Ткачи закрыли Изнанку просто так? – Дмитрий склонил голову и ухмыльнулся – из-за капюшона Егор мог видеть только заросший черной щетиной подбородок и кривой изгиб губ. – Магам вообще не стоило рассказывать людям про Изнанку. Слишком много соблазнов. Нет, парень, это всё из-за таких как ты. И из-за таких, как я.

– Что вы имеете в виду? – Егор весь вытянулся, сосредоточенно вглядываясь в тень под капюшоном. Весь внимание, он был похож на студента-ботаника, в любой момент готового начать записывать лекцию.

Дмитрий пожал плечами и отвернулся, задумчиво осматривая пространство пустых не-улиц Изнанки. В конце концов, несмотря на мажорские одежды, Егор выглядел на удивление не испорченным. Может, и нет никакого вреда в том, чтобы рассказать.

– Когда люди узнали про Изнанку, сюда ломанулись все, кому не лень. Посмотреть линию жизни конкурентов или врагов, узнать чужие слабости. Либо исправить что-то в сво-

ей судьбе – развязать узлы, подлатать прорехи. Увидеть будущее. – Маг издал хриплый смешок. – То-то они были разочарованы.

– Я читал, что увидеть будущее на Изнанке невозможно, потому что человеческая нить ткёт сама себя по мере... ну... жизни. А пока мы не прожили какой-то момент, его не существует. – Встрял Егор.

– Отчасти так и есть. – Дмитрий кивнул, махнув рукой и приглашая парня двигаться дальше. – Но не всегда. У каждого человека нить ткётся со своей скоростью, есть нити, которые опережают время. Впрочем, ненадолго – на пару дней, неделю, максимум – месяц. Никто точно не знает, отчего это зависит. Может, некоторые события просто предопределены. И иногда, если знать этот факт, можно заметить, что твоя нить... остановилась. Больше не ткёт сама себя. Понимаешь, что это значит? – Маг скосил взгляд на Егора, и тот серьёзно кивнул.

– Большинство людей очень любят жизнь. – Дмитрий задумчиво выдохнул, борясь с иррациональным желанием закурить. – Особенно те, у кого есть деньги. А именно такие и попадают на Изнанку чаще всего. Но как удлинить линию жизни? Где взять волокна, чтобы сплести себе лишний год? Или два? Или десять лет? А может, целых сто?

Егор наклонил голову набок, нахмуриваясь, голубые глаза его, казалось, потемнели.

– Вы хотите сказать...

– Соблазн слишком велик. – Дмитрий скривил губы в подобии усмешки, на этот раз слишком горькой. – Вырвать кусочек тут, вырвать кусочек там. А некоторые вообще не стеснялись и отрывали целые нити, чтобы вплести в свои.

– Но... но разве так можно?! – Егор выпучил глаза и уставился на мага, запутываясь в длинном шарфе и чуть не падая – Дмитрий едва успел его подхватить.

– Нельзя. – Хмыкнул маг, помогая парню обрести равновесие. – Но чисто технически – можно. Полотно живое, парень. Нити, как и люди, адаптируются, вплетаются в новую канву. Не так гладко, как прежде, но тем не менее, жизнью это назвать можно. И конечно, у каждого действия есть последствия. На месте вырванных нитей остаются прорехи. Там, где должны были сплестись две судьбы – оставались дыры. Люди так никогда и не пересекались, судьбоносные встречи не происходили, кто-то оставался одиноким на всю жизнь или не находил работу мечты. Полотно хирело, расплзлось. И наконец, Ткачам это надоело.

Егор задумчиво склонил голову, и на какое-то время они замолчали, просто шагая по прямому освещенному проспекту. Наконец, Егор подал голос.

– А вы... вы тоже так делали? – И неожиданно взглянул магу прямо в глаза. Дмитрий выдержал его взгляд, затем качнул головой.

– Нет. Но и не препятствовал.

Егор кивнул, словно решая что-то для себя, и наконец,

замолчал, осмысляя сказанное.

Так они и шли вперёд, почти бесшумно, пока вдруг на очередном перекрестке парень не встал, как вкопанный.

– Господин маг... – Голос его звучал удивлённо. – Мне кажется... кажется, нам налево...

Дмитрий по-настоящему широко улыбнулся.

– Меня будто тянет... – Егор, казалось, был не на шутку озадачен.

– Говорю же, парень, это ты нас ведёшь. Если чувствуешь притяжение, значит, мы уже близко.

Парнишка восторженно закивал, овечьи кудряшки на голове его отчаянно заколыхались. У Дмитрия в сознании проскользнул образ барашка, резвящегося на лугу. Вот только вокруг была не живописная пастораль, а они – не на прогулке, напомнил себе маг.

Егор бодро шел вперед, с удовольствием разглядывая все вокруг и то и дело указывая, куда надо свернуть. Дмитрий шел чуть позади, цепким взглядом окидывая переулки и закутки. Несмотря на то, что на Изнанке было светло, как днём, тени порой вели себя странно. Человеческий разум неловко пытался изобразить законы физики, которых здесь на самом деле не существовало, и оттого все вокруг казалось немного неестественным. Впрочем, Дмитрий давным-давно привык к этому ощущению, не обращая на него внимания. К чему он не привык – так это к сосущему чувству тщательно запрятанной тревоги.

Из размышлений его вывел Егор, неожиданно подавший голос.

– Господин маг... А что становится с теми, чьи нити вырвали?

Дмитрий резко повернул голову, окидывая парня с ног до головы цепким взглядом. Черные брови его скользнули к переносице.

– Зависит от того, как сильно пострадала основная нить. Если вырвали одно-два волокна – нить способна залечить урон. Просто человек на этом отрезке пути будет болеть, или начнутся неурядицы в жизни. Если же вырвать целый кусок, нить никогда до конца не восстановится, и человек либо будет болеть и попадать в различные несчастливые ситуации до конца своих дней... либо умрет гораздо раньше, чем должен был. – Голос мага звучал совершенно ровно и нейтрально, как будто они говорили о погоде.

Егор промычал в ответ что-то нечленораздельное, отводя взгляд. Затем вскинулся, словно впервые увидев пейзаж вокруг, и неожиданно резко выпрямился.

– Мы пришли!

Дмитрий оглядел ничем не примечательный переулок, в котором они оказались. Полотно вокруг приняло образ маленького двора с ржавой каруселью и старыми пятиэтажными хрущевками. Окна домов тускло поблескивали, но Дмитрий знал, что внутрь квартир не заглянуть – копии на Изнанке были не настолько точны.

Маг кивнул. Действительно пришли.

Егор подошёл к одной из хрущёвок, выглядевшей так, будто она построена из бурого кирпича, и, наклонившись, взгляделся в стену.

Дмитрий встал за его спиной, также изучая кирпичи, которые под пристальным вниманием словно теряли свою структуру и распадались на нити. Найти нить жизни Егора не составляло для мага никакого труда. Как и разглядеть огромный запутанный узел из множества разноцветных ниток. Маг почти присвистнул – нет, ему доводилось видеть и не такое на Изнанке, но чтобы в столь юном возрасте заварить эдакую кашу – это надо постараться. Изначально запутались всего три нити, но каждая тянула за собой ещё по несколько других, а те влекли за собой ещё и ещё... где-то нити настолько увело от их изначального положения в Полотне, что образовались огромные прорехи, а сами нити были натянуты, как тетива – ещё чуть-чуть, и они просто лопнут от такого сильного напряжения.

Егор, тем временем, присел на корточки и внимательно разглядывал узел. Наконец, он тяжело вздохнул и с надеждой взглянул на Дмитрия.

– А у вас иголки, случайно, не найдётся?

Брови мага иронично скользнули под тень капюшона, из-за чего парнишка стушевался и, отчаянно краснея, залепетал:

– Нет, ну мало ли... вы же волшебники, вдруг вы при-

думали какой-то инструмент, который помогает работать на Изнанке, или что...

Дмитрий красноречивым жестом взмахнул правой рукой – и по локоть погрузил её в стену хрущевки, затем помахал ей вверх-вниз и горько усмехнулся.

– Думаешь, если бы у меня что-то такое было, мне пришлось бы просить тебя об ответной услуге? Сам, парень, всё сам. Главное, не дергай нити в разные стороны – только узел затянешь.

Егор с несчастным видом осмотрел мешанину ниток и осторожно коснулся своей.

– Разрубить это всё – ведь не выход, да?

Дмитрий вновь только поднял брови и многозначительно промолчал. Затем, подумав, легонько похлопал Егора по плечу.

– Не торопись, парень. Времени у тебя достаточно. На Изнанке оно бежит совсем по-другому. Мы можем находиться здесь целую вечность, и никто на Лицевой не заметит нашего отсутствия.

* *

Наташе не спалось.

Это было странно, учитывая шумный вечер и количество выпитого, а также позднее время. Обычно Наташу начинало клонить в сон ещё в десятом часу, а после полуночи она уже крепко спала. Но не сегодня.

Рядом, по бокам от неё, на широком диване посапывали

Лида и Катя – две лучшие подруги, с которыми Наташка прошла огонь, воду и медные трубы – так отчего же ей так неспокойно?

Когда тревожно, принято говорить, что на душе скребут кошки, но Наташино предчувствие всегда больше ощущалось, как тяжёлый камень, который тянет на дно и не даёт всплыть, чтобы глотнуть воздуха.

Наташа привыкла доверять своему чутью – но сегодня изо всех сил старалась заглушить постепенно усиливавшееся чувство непокоя, крохотные ростки которого зародились ещё вчера.

Ведь сегодня её позвали к себе девчонки, а они так давно не собирались вместе... совершенно не хотелось портить радость от встречи беспочвенной паникой – ни себе, ни им.

Перевернувшись на другой бок, девушка крепко сомкнула веки и прижала к себе подушку, мысленно давая команду: «Спать!», но сон бежал от неё, а росток тревоги внутри разрастался в глубину и ширину.

Становилось трудно дышать.

Ей и так было трудно дышать в последнее время, но в эту странную ночь весь воздух, казалось, выкачали из комнаты. Наташа медленно села на кровати, стараясь не разбудить подруг, и, борясь с головокружением, босиком встала на холодный пол. Несколько секунд постояла, справляясь с дыханием, и потянулась к сумке, пытаясь на ощупь найти телефон.

Стоит позвонить Диме. Он заберет её в считанные мину-

ты, если ещё не спит.

Свет экрана в ночной темноте больно ударил в глаза, и Наташа одним стремительным движением выключила яркость. Стоять было тяжело, и она облокотилась об дверной косяк, а затем, чувствуя, что не уверена в своих ногах, тихо скользнула по косяку вниз и села на пол. Пальцы уже нашли знакомый номер – осталось только нажать на зелёную кнопку.

Однако вместо привычных долгих гудков тишину квартиры прорезал мерзкий резкий звук автоответчика: «Данный абонент недоступен. Перезвоните позднее».

Наташа почувствовала, как её бросило в холод, и попыталась сделать судорожный вздох, но воздух словно застрял в груди.

Она знала.

Что-то случилось.

Девушка попыталась предпринять ещё две попытки дозвониться, но результат был один и тот же.

Наташа почти не могла дышать, в глазах темнело, но мысли крутились на удивление быстро и чётко. Надо позвонить... надо позвонить...

Неожиданно, телефон в её руках завибрировал.

Даже не глядя на высветившееся имя, она на автомате взяла трубку.

– Подожди две минуты. Я сейчас тебя заберу. – Произнёс низкий женский голос на той стороне, без всякого приветствия.

Наташа закрыла глаза, пытаясь глубоко вздохнуть и прижимая прохладный экран телефона к горячей щеке.

– Извини... я тебя разбудила. Максима... он ведь... не здесь, да? – Тихо прошептала она в трубку.

– Он жив. – Отрезала собеседница. – Но когда он вернётся, я помогу тебе его убить.

* *

Дмитрий следил за тем, как Егор медленно разбирает петли – одна за другой, растягивая и постепенно ослабляя основной узел. На Изнанке сложно сказать, сколько прошло времени с другой стороны, но здесь, по внутренним ощущениям Дмитрия, они возились уже долго. Зрелище Егора, расплетающего узел, можно было бы даже назвать медитативным, если на секунду забыть, что каждая нить – это чья-то жизнь, которая может оборваться при любом неосторожном движении.

С одной стороны, Дмитрий мысленно хвалил Егора за осторожность и тщательность – парень действительно старался изо всех сил. Но с другой стороны, чем дольше они здесь возились, тем больше риск привлечь нежелательное внимание.

Изначально он не собирался помогать парню – во-первых, он всего лишь проводник, и это не его дело, во-вторых – Егор сам заварил эту кашу, ему и расхлёбывать. Но если оставить парня, как есть, то они, того и гляди, действительно застрянут тут на вечность. А потому Дмитрий начал также разгля-

дывать узел со всех сторон, отслеживая, где и куда уходит та или иная нить, в каких местах её легче подцепить или вообще высвободить из общего клубка. Несмотря на то, что он не мог прикасаться к нитям, работа вдвоем действительно пошла быстрее.

Дмитрий пытался абстрагироваться и не приглядываться к чужим судьбам, но отдельные отрывки воспоминаний всё равно мелькали перед глазами –

Высокий статный мужчина, сильно смахивающий на Егора, замахивается рукой для удара. Темноволосая женщина смотрит и не вмешивается.

Вот какого-то тощего паренька забирает полиция, девушка, отдаленно похожая на него, плачет в объятиях Егора.

Большая многокомнатная квартира, живя в которой, можно не встречаться неделями.

Пожилая женщина в больнице.

Красивая девушка, стриженная под мальчишку, с набитыми рукавами в виде множества разноцветных змей вытирает тыльной стороной ладони кровь из подбитой губы. Улыбается, но улыбка похожа на оскал.

Кряжистый парень поправляет русую чёлку и усиленно что-то записывает в тетрадь для конспектов. Поднимает голову и улыбается – но видит Егора, и его улыбка мгновенно гаснет.

Тот же парень – кажется, годами ранее, смеется и треплет Егора за плечо. Он ниже его на две головы, и Егор накло-

ется, чтобы шутиливо ткнуть того локтем в бок.

Уже знакомая девушка со змеями на руках сидит на набережной и рисует в скетчбуке.

И снова эта девушка, выгуливает собаку.

И снова она. Много, много мелких эпизодов.

Снова она – встает на цыпочки, целует Егора в губы, а затем, улыбаясь страшной улыбкой, шепчет: «Ненавижу тебя».

Больничные палаты, двери, запертые на ключ, русоволосый парень барабанит в дверь, но его не пускают.

Эти трое – сосредоточение узла.

Дмитрий отвёл взгляд. Он не хотел видеть всего этого. Ему незачем знать о жизни клиента. Чужие печали – большая головная боль. Тем более, парень, кажется, наконец-то ослабил основное переплетение, и вот-вот распутает этот адский клубок.

Наконец, последняя петля поддалась – и узел распался на три измятые, но целые нити. В том месте, где они ранее переплелись между собой, они были изрядно потерты, но это было не смертельно – время всё лечит.

В момент, когда узел распался, Дмитрий почти ожидал какого-то звука – хлопка или, может, победных фанфар, но на Изнанке по-прежнему царил тишина, прерываемая лишь их дыханием. Егор устало отвалился назад, опираясь на обе руки и глядя на результат своих трудов.

– Мне... мне надо сдвинуть их на свои места? Или разглядеть, там... Я не знаю.

– Нет. Полотно само себя выравнивает. – Маг покачал головой. – Или это сделают Ткачи. И кстати об этом. – Дмитрий подал Егору руку, помогая парню подняться на ноги. – Мы возились довольно долго, а любые сильные манипуляции с нитями могут привлечь их внимание. Теперь, когда ты закончил, пора выполнить второе условие нашей сделки и отправиться по домам, пока нас не нашли.

Егор поджал губы, последний раз бросая взгляд на потрепанный участок полотна, с которым он возился всё это время. В его взгляде была какая-то нечитаемая эмоция, которую Дмитрий не мог распознать – сожаление? Наверяд ли. Но у него не было времени гадать.

– Пошли. – Скомандовал он и развернулся, решительно шагая по дороге – и далее в проход между двумя домами, в соседний двор. – Тут недалеко.

Егор молча шёл за ним, и в кои-то веки его молчание не радовало Дмитрия. Чем ближе они были, тем сильнее тревога охватывала его тело, пальцы мелко дрожали, а сердце гулко бухало в груди. Осталось совсем чуть-чуть. Они уже близко. Ещё немного – и можно будет выдохнуть и отправиться домой, сделать вид, что этой ночи никогда не было... В отличие от Егорова узла, его дело на пять минут, не больше.

– Ты ведь соврал мне, маг. – Прозвучал голос Егора за его спиной.

– Как и ты мне. – Ответил Дмитрий, не сбиваясь с шага, но оглянулся, чтобы увидеть на лице мальчишки мрачную

ухмылку.

– Тебе ведь не узел надо развязать, верно? Тебе нужно кое-что совсем иное, – продолжал парень, почти скалясь, – и про чувство направления на Изнанке – это тоже ложь, так? Ты проверял меня!

– У меня были сомнения. – Кивнул Дмитрий, выискивая взглядом нужный поворот. – У тебя неплохо получалось косить под невинного дурачка. Но при этом ты, не зная совершенно базовых вещей, спокойно воспринимал то, чему невозможно не удивиться, если ты не бывал на Изнанке хотя бы единожды. И если ты хочешь обвинить меня в том, что я собираюсь сделать твоими руками, что ж – они у тебя и так по локоть в грязи, парень. Привязать к себе против воли девушку, да ещё и юную ведьму – это почти изнасилование. Жестокое. Уродливое. – Продолжал маг, чеканя каждое слово. – Ведь она поняла, что ты сделал. Но ведьмы не ходят на Изнанку. Изменение судьбы для них – табу, и даже если бы она могла, она бы не стала исправлять содеянное тобой.

Чем дальше маг говорил, тем больше темнело лицо Егора, а голубые глаза словно затягивало предгрозовыми тучами.

– Но знаешь, что? – Как ни в чем не бывало, продолжал маг, почти беспечно улыбаясь. – Связать жизни – не значит заставить полюбить.

Егор посмотрел на Дмитрия почти с осязаемой ненавистью. Но затем внутри него словно ослабла какая-то туго натянутая струна, и он отвернул голову. Голос его впервые за

всё время прозвучал неожиданно низко и глухо.

– Я знаю.

Дмитрий скосил взгляд на своего спутника, но ничего не сказал. В какой-то момент он почти поверил, что Егор его сейчас ударит, даже почти желал этого – тогда он смог бы в ответ совершенно законно выбить из парня дух, за то, что тот сделал. Но Егор был пока ещё нужен. В конце концов, никогда не поздно забыть его на Изнанке.

– Сюда.

Они повернули за угол, и перед глазами Егора выросла кирпичная многоэтажная новостройка, похожая на гигантскую серую свечу.

– Надеюсь, нам на первый этаж. – Нервно пошутил Егор, на что маг криво ухмыльнулся.

– Четырнадцатый.

Парень споткнулся от неожиданности и задрал голову, пытаясь разглядеть хоть одну ниточку на такой высоте, сначала в очках, затем сняв их.

– Эээ... и как мы туда залезем? Я не Человек-паук, да и ты вроде тоже...

Дмитрий встал рядом с Егором и тоже запрокинул голову, отчего капюшон куртки спал, открывая лохматую копну темных волос, собранных в короткий небрежный хвостик. Маг задумчиво покусал губу и пожал плечами.

– Есть три способа. Первый – ты подходишь и дёргаешь Полотно на себя, чтоб притянуть нужный нам участок по-

ближе... и сюда тут же слетаются все Ткачи в округе, взбудораженные колебанием материи. Так что этот вариант нам больше не подходит. Раньше – да, так было проще всего. Второй – мы скучно и нудно идём по пожарной лестнице вон там, видишь? – Дмитрий протянул руку, указывая на ряд балконов, через которые черной нитью протянулись железные лесенки. – Не очень удобно, потому как нужный нам участок немного дальше, но дотянуться можно.

– Третий... – Дмитрий снова ухмыльнулся. – Тебя кусает радиоактивный паук.

– Ха. ха. ха. – Егор скривился, поправляя очки указательным пальцем, и кисло воззрился на мага, всем своим видом показывая, насколько он не впечатлён.

– Ты зря смеёшься, – маг чуть приподнял брови и развел руками, – я не шучу. Ну, почти. Наш мозг видит Изнанку так, как ему проще всего. И на самом деле, гравитации как таковой тут нет. Низ и верх нарисовал наш разум, и если хорошенько поверить в то, что стена – это улица, можно обмануть и без того запутавшийся мозг и просто спокойно дойти до нужного нам места. Как понимаешь, мне это не составит труда, но мне нужно, чтобы туда дошёл ты... выбирай. Как тебе больше нравится?

Пойти по стене? Серьёзно? Егор смерил мага недоверчивым взглядом, затем снова покосился на кирпичную свечку. Четырнадцатый этаж выглядел... недосыгаемо. Егор представил, как он идёт по стене вверх, чувствуя за спиной лишь

пустоту, и сглотнул.

– Идём по лестнице.

Дмитрий про себя хмыкнул, но ничего не сказал, двинувшись к пожарному ходу. Его мысли были уже заняты другим. Скоро. Совсем скоро всё закончится. Главное – действовать быстро и четко. А потом он вернётся домой к Наташе и сделает вид, что ничего не было. Лишь бы только получилось... лишь бы только нить прижилась...

– Что? – Голос Егора вывел его из забытья.

– Что?

– Вы что-то сказали. – Пояснил парень, оглядываясь сверху вниз на Дмитрия, поднимавшегося следом.

«Я сказал вслух?» – про себя удивился маг, но только резко мотнул головой, давая Егору знак двигаться дальше.

– Ничего.

– Мммххммм... – Многозначительно промычал парень, но отвернулся и шагнул на следующую ступеньку. – Так что мне там надо сделать?

– Придем – узнаешь. – И без того глубокий голос мага понизился на октаву, а мрачный тон не допускал возражений.

– Ладно, ладно! – Егор поднял руки в сдающемся жесте, а Дмитрий продолжил, чувствуя в глубине мерзкий мандраж, поселившийся в сердце ещё с вечера:

– Тем более, что осталось недолго.

Железные ступеньки тихо клацали под ногами. Егор уже трижды успел пожалеть о своем выборе, но насмешливый

взгляд мага, сверливший ему спину, не давал передохнуть, и парень, стиснув зубы, шёл вверх. Интересно, если на Изнанке всё – проекция, будут ли болеть ноги, когда они вернуться обратно?

Наконец, последний шаг – и вот Егор на площадке, сваренной из железных, слегка покрывшихся ржавчиной прутьев. На такой же, как двенадцать предыдущих площадок, через которые они прошли. Парень посторонился, пропуская мага вперед, и тайком попытался перевести дух, усиленно притворяясь, что совсем не запыхался.

Дмитрий же скользнул мимо, с видом человека, прекрасно знающего, куда идти. Он решительно шагнул вправо, а затем склонился над хлипкими железными перилами и весь вытянулся вперед, пытаясь разглядеть что-то за углом дома. Затем маг кивнул сам себе, провёл рукой сквозь кирпичную стену, словно отслеживая одну конкретную нить, и подозвал Егора.

– Иди сюда.

Егор неохотно подошёл и пригляделся. Палец Мага скользил сквозь Полотно, преследуя одну конкретную линию – плотную крепкую нить, и довольно длинную. Начало её было на этой стороне здания, а конец уходил далеко за угол.

– Видишь?

Егор кивнул, поджав губы. С одной стороны, ему хотелось узнать, что там за дело такое у мага, что ему вдруг понадобилась помощь клиента, с другой – темные делишки магов

могут ему самому выйти боком. Но уговор есть уговор. Тем более, что свою часть маг практически выполнил. Осталось только сделать то, что он попросит, и вернуться домой.

Не удержавшись, Егор взглянул на нить. Картинки чужой жизни калейдоскопом пронеслись у него в голове. С виду – ничего криминального. Нить принадлежала состоятельному мужчине, успешному бизнесмену – причем, честному, судя по всему. Справедливый руководитель, которого любят подчинённые. Примерный семьянин, двое детей, счастливая семья. В свободное время занимается благотворительностью и подкармливает бездомных кошек.

– Потяни за нить. – Тихо скомандовал маг. Голос его звучал напряжённо. – Только не порви ничего! – Спихнулся он тут же, прежде чем Егор успел коснуться Полотна. – Возьмись за нить крепко, но осторожно, как когда ты распутывал узел.

– Да знаю я, – огрызнулся Егор. Как никак, он последние часы только и делал, что старался ничего не порвать. Маг мрачно на него посмотрел, но никак не прокомментировал его резкость, лишь кивнул в сторону тканой стены.

– А теперь тяни. Аккуратно. Нам нужен участок за углом. Егор медленно выдохнул, а затем осторожно, двумя пальцами слегка раздвинул соседние нити, высвобождая нужную ему. Затем двумя же пальцами взялся за открывшийся участок – и очень осторожно потянул на себя. Нить неохотно поддалась, постепенно ослабляясь, и только Егор успел по-

думать, что сейчас он вытянет её всю, как она застряла, зацепившись за что-то. Первым порывом Егора было дернуть нить посильнее, но что-то его остановило – то ли вовремя вспомнившийся факт, что нити – это человеческие жизни, то ли предвосхитивший его действия гневный оклик мага.

– Не вздумай дергать!

– Да не дёргаю я! – Егор скривился и снова медленно, совсем легко потянул на себя. Вместе с нитью на него потянулось и Полотно. – Ой, оно тянется... это ничего? – Осторожно переспросил парень, на что маг нахмурился, но кивнул.

– Ничего. Я чего-то подобного и ожидал.

Видимо, Егор, наконец, натянул нитку достаточно, потому что Дмитрий вдруг оживился, подаваясь вперёд и внимательно вглядываясь в нить.

– Держи левой рукой, чтобы не выскользнула, а правой попробуй провести по ней пальцем. Чувствуешь что-нибудь?

Егор подчинился странной просьбе и послушно повёл пальцами по шершавой поверхности, ощущая неровную текстуру подушечками пальцев. Ничего необычного, нитка как нитка. Что он вообще должен был «почувствовать»? Парень был уже готов ответить отрицательно, как пальцы неожиданно нащупали едва заметный бугорок. Егор остановился и нахмурился.

– Вот здесь... что-то такое.

Дмитрий жадно впился взглядом в точку, на которой замер палец Егора, казалось, маг даже перестал дышать. Затем

он резко выпрямился и шумно втянул воздух через нос.

– Хорошо. А теперь – рви.

Егор вскинул голову и посмотрел на мага долгим взглядом. Дмитрий не смог определить, что в нём было – осуждение? Презрение? Понимание? Насмешка?

– Этот человек, он...

– Прямо здесь. В этой точке, которую ты зажал. – Резко прервал его Дмитрий.

Егор нехорошо сощурился, почти оскалившись, но повторил свой вопрос.

– Этот человек, он... умрёт?

– Да. – Дмитрий спокойно посмотрел парню в глаза, словно бросая вызов – «ну, давай, что ещё скажешь?»

Несколько секунд мальчишка выдерживал взгляд мага – тяжёлый, мрачный, и при том совершенно спокойный, как могильная плита. Финальный.

Губы Егора скривились в усмешке, в которой сквозили горечь и отвращение.

А затем он дёрнул нить на себя.

* *

Наташа полусидела-полулежала на старой тахте в кухне Максимы и мелкими глотками пила горько-сладкий травяной настой, который ей всучили ведьмы. Она никогда не бывала у Максимы в гостях – та была, в первую очередь, подругой её мужа, а с самой Наташей Максима скорее прительствовала. Ведьма нечасто появлялась у них в гостях – на-

сколько Ната поняла из разговоров с Димой, Максима вообще редко ходила по гостям, предпочитая сидеть дома и лишь изредка эффектно и неожиданно появляться на вечеринках.

Теперь Наташа украдкой разглядывала тускло освещенную кухню, пытаясь дополнить образ хозяйки, уже сложившийся в её голове. А посмотреть было на что. Максима жила в старом доме сталинской постройки, с высокими потолками и большими окнами. И всё на кухне тоже дышало чем-то очень старым и могущественным. Искусно задрапированные тяжёлые пурпурные шторы с большими кистями скрывали большую часть окна, стеклянный витражный плафон под потолком отбрасывал на лица и стены красные, оранжевые и сиреневые блики, а на круглый трёхногий стол посреди комнаты была небрежно накинута атласная скатерть, наполовину, впрочем, смятая и отброшенная на край. На свободной же от скатерти части столешницы была заботливо постелена газетка, засыпанная очистками семечек. Вокруг стола вразнобой стояли старые стулья и табуретки – но все явно из разных гарнитуров. На стене мерно тикали ходики.

Наверное, именно так себе Наташа и представляла жилище ведьмы – всё вокруг было старым, загадочным – и при этом довольно простым и небрежным. Как будто Максима вовсе не старалась обустроить пространство, а наоборот, оно само выстроилось вокруг неё так, как должно. И иначе просто не могло быть.

Наташа ещё раз отхлебнула чай, позволяя себе откинуть-

ся на мягкие подушки явно антикварной тахты и подмечая, что она действительно чувствует себя лучше. Сама хозяйка квартиры стояла в противоположном конце кухни и задумчиво курила сигарету через длинный тонкий мундштук. Она казалась естественным продолжением своей квартиры – или квартира продолжением её. Максима выглядела... впечатляюще. При своих габаритах она всегда двигалась так легко и элегантно, что ей позавидовали бы профессиональные манекенщицы. Она была прекрасна – и знала это. Почувствовав невольный укол зависти, Наташа уткнулась в чашку и тихо вздохнула.

Обычно девушка не переносила запах табака, но этот странный дым от того, что курила Максима, не вызывал рвотных позывов, а наоборот, чудесным образом прояснял мысли и успокаивал.

Ната перевела взгляд на третьего участника их невольного ночного бдения – вернее, участницу. Эту ведьму она никогда раньше не видела, даже мельком. Она появилась вместе с Максимой у Лиды дома, когда Наташа уже почти потеряла сознание, и помогла транспортировать её к Максиму домой.

Наташу тогда сильно мутило, кружилась голова, потому она едва подмечала, как Максима указывает на нужные ящички у себя на кухне, а юная ведьма хватается то одну, то другую баночку, смешивая травы и какие-то порошки, чтобы затем заварить ароматный чай.

Теперь незнакомка, мимоходом представившаяся Волч-

ком, легко покачивалась на старинном стуле с резной спинкой, который она лихо оседлала, как ковбой, и её взлохмаченные коротко стриженные волосы только усиливали сходство. На кухне Максимы было тепло, поэтому девушка

скинула верхнюю часть флисового кигуруми в виде динозавра, оставшись в светло-зелёном топе. Наташу невольно привлекали татуировки на руках юной ведьмы – множество разноцветных змей, казалось, шевелились, когда та покачивалась на стуле. Но это, конечно, был обман зрения.

Ната прикрыла глаза, собираясь с духом, и, наконец, решилась.

– Ии... что мы будем делать? Просто ждать? – Ей самой собственный голос показался ужасно тонким и испуганным. Две пары глаз – карие и зелёные – воззрились на неё в тишине. Нет, конечно, Наташа знала, что ведьмы не ходят на Изнанку, а истории об их принципиальности не оставляли ни малейших сомнений, что даже ради друзей они не отправятся туда. Но, может, другие маги...

– Маги не станут рисковать своей шкурой. – Откликнулась Максима, словно прочитав её мысли. Хотя почему «словно» ...

– Димка прекрасно знал, на что он шёл. И что если что-то случится, то ему никто не протянет руку помощи. Поэтому нам остаётся ждать и надеяться, что ничего не случится. – Максима снова затянулась сигаретой. Взгляд её был на удивление спокойным.

Наташе хотелось кричать, топтать ногами, что-нибудь громить, хоть как-то выплеснуть гнев на эту чудовищную слабость и беспомощность. Обвинять Максиму и Волчка за то, что они отказываются отправиться на Изнанку и вытащить её мужа обратно – за ухо, как нашкодившего мальчишку.

Но вместо этого она сделала большой глоток чая и сосредоточилась на том, как горечь трав разливается по языку, медленно сменяясь лёгкой сладостью.

Она была несправедлива, и знала это. Дмитрий – давно не ребенок, и он сам несет ответственность за свои решения. И ни ей, ни Максиме, ни уж тем более Волчку, которая выглядела сущим подростком, пытаться его вытаскивать. Тем более, ничего же ещё не случилось, правда?

– Твой муж мне сегодня очень помог. – Неожиданно подала голос Волчок. Её зелёные глаза блестели, полные какого-то невыразимого, но явно сильного чувства. – Я ложилась спать сегодня с предчувствием, что что-то должно произойти. Мы, ведьмы, чувствуем такое. А потом я проснулась посреди ночи, зная, что я свободна. И зная, что я нужна здесь.

Наташа кивнула, глядя на цветные пятна, пляшущие в отражении на поверхности чая.

– Я тоже чувствовала сегодня... но надеялась, что это просто мнительность. Накопившаяся усталость. Я ведь не ведьма.

– Ты – нет. – Кивнула Максима, а Волчок неожиданно добавила:

– А твоя дочь – будет.

Наташа удивлённо вскинула голубые глаза на ведьм, которые говорили такие... такие вещи совершенно спокойно, как что-то само собой разумеющееся и непреложное.

– Но... – она начала было возражать, но затем закусила губу, покачав головой. Спорить с ведьмами не хотелось. И не только потому, что это бесполезно. Но они выглядели такими уверенными... в то время как Наташа совершенно точно знала, что детей у неё уже не будет. Просто не хватит времени.

– Так. – Волчок неожиданно хлопнула ладонями по бёдрам и резко перестала качаться на стуле. Несчастный предмет мебели скрипнул по паркету в последний раз, и девушка легко с него соскочила.

– Решилась-таки? – задумчиво хмыкнула Максима, на что Волчок пожала одним плечом и принялась натягивать кигуруми.

– Не люблю быть должной. – Сказав это, юная ведьма неожиданно просто... исчезла. Как будто провалилась сквозь текстуры. Вот она стояла на месте – и вот её уже нет.

Наташа уставилась на место, где раньше была Волчок, пытаясь осмыслить увиденное.

– То есть... это вот так происходит? Я же правильно поняла? Она ушла на Изнанку?

Максима вздохнула, стряхнула пепел в хрустальную пепельницу, и подойдя, царственно опустила на старую об-

дуπленную табуретку. Она подлила Наталье ещё заварки из чайничка, а затем достала себе из шкафчика бокал и початую бутылку вина.

– Но вы же сами говорили, что ведьмы не ходят туда... и никто не пойдет за Димой... – растерянно бормотала Наташа, глядя, как Максима наливает в бокал рубиновую жидкость.

– Мы действительно не ходим. Только некоторые. И только по серьёзному поводу. Это большая ответственность. И строжайший секрет. – Максима многозначительно глянула на Наташу, и та кивнула, показывая, что всё понимает. – Более того, это дар. И проклятие одновременно. Волчок хотя бы имеет хоть и косвенное, но право. У неё есть всё необходимое – весомая причина, и главное – разрешение. У меня же нет ни того, ни другого. – Максима посмотрела на Наташу, и в её глазах та увидела искреннее сожаление. Ведьма подвинула к девушке чашку и вздохнула. – Пей.

* *

Нить порвалась легко. Тихий хлопок – и натяжение ослабло, а затем нить на удивление без проблем вытянулась из основного Полотна. Дмитрий скомандовал Егору скатать её так, чтобы та не запуталась, и теперь они быстро спускались по лестнице вниз. Маг краем глаза поглядывал на парня, гадая, о чём тот думает. С момента разрыва нити Егор молчал, погружившись в себя. Может, парень злился или пребывал в шоке, что Дмитрий только что его руками убил челове-

ка? Маг до последнего ожидал, что Егор начнёт артачиться и откажется выполнять свою часть сделки, но мальчишка его удивил. Разрыв произошёл в нужном месте, быстро и чисто, и теперь оставалось как можно быстрее дойти до нужного места, пока нить не отмерла.

– Этот мужчина... кем он был? – После долгого молчания подал голос Егор. Он звучал... иначе. Как будто за мгновение парень повзрослел, и голос перестал ломаться, наконец, став низким и глубоким.

Пожалуй, парень заслужил знать. Дмитрий кивнул про себя.

– Мой бывший клиент. Ещё до того, как Ткачи закрыли Изнанку. Хотел подсмотреть ближайшее будущее, согласится крупный партнёр на сделку или нет.

– Он выглядел... неплохим человеком. – Осторожно проговорил Егор. Дмитрий проигнорировал его и продолжил, уверенно шагая вниз.

– Он увидел не то, что хотел. У его нити не было завтра. Это очень страшно, должно быть, узнать, что у тебя нет завтра. Что ты вот-вот умрёшь, и ничего не поделать. Но он от кого-то слышал, что нить жизни можно... удлинить.

Дмитрий спиной чувствовал, как взгляд Егора сверлит его между лопаток. Он кивнул, и указал на соседнюю высотку через дорогу.

– Нам сюда, тут недалеко.

– И вы согласились? – подал голос Егор. Дмитрий наме-

ренно не встречался с ним взглядом, лишь кивнул, оскалившись.

– Я был, наверное, года на три-четыре постарше тебя. Только окончил универ, без гроша в кармане, без опыта, без жилья. А мужик сулил столько, что я мог сразу спокойно купить бы себе двушку в спальном районе. Что я и сделал. У него была беременная жена, маленький ребенок. Пожилые родители. Он попросил меня подыскать кого-то... кто не сильно важен. И я нашёл... её.

Дмитрий остановился у копии той многоэтажки, из которой они только выдернули нить, и безошибочно указал на точку в районе тусклого окна первого этажа.

– Ни друзей, ни семьи. Так, пара университетских подруг. Никаких великих достижений или судеб, на которые она повлияла. Тихая, незаметная жизнь. Никто не обратит внимания, если она вдруг исчезнет... Так я думал.

Дмитрий замолчал, и Егор подошел, встав рядом и внимательно изучая нить, о которой говорил маг. К его удивлению, та оказалась сплетена с гораздо большим количеством других жизней, чем он мог подумать из описания Дмитрия. Однако нить ощутимо истончалась к своему кончику, а последние сантиметры, казалось, могут порваться от одного дыхания. Для любого было бы очевидно, что это конец.

– Тогда я не сомневался. Показал клиенту, где рвать, чтобы не нанести непоправимый урон, где подвязать узелок, как будто бы так и было. Вернулся домой, спал крепко. Но со

временем... я поймал себя на том, что думаю, как она там, эта девушка. Отразилось ли на ней то, что мы сделали. Кто она. Жива ли вообще. И я начал искать её. И нашёл. Тихая серая мышка. Я познакомился с ней, подобрался поближе, чтобы узнать, чем она живёт, о чем думает, почувствовала ли, что что-то изменилось. И сам не заметил, как она изменила меня. В день нашей свадьбы мы поклялись никогда друг другу не лгать... но я с самого начала не мог сдержать обещания. Я не смог признаться ей, что я играл с её жизнью, что, возможно, совершил непоправимое. Я боялся, что она меня возненавидит. А потом Ткачи закрыли Изнанку, и я уже ничего не мог изменить – клиенты пропали, а те, кто пытался идти обходными путями, были или слишком опасны, или ненадёжны, или умны, чтобы пытаться всё исправить их руками. Я жил годы в страхе, что ничего нельзя изменить. А затем появился ты. И я понял, что ты – мой шанс.

– Ну ты и ублюдок. – С чувством сказал Егор и смачно сплюнул, что совсем не вязалось с его образом.

Дмитрий лишь глухо рассмеялся, но смех этот был безрадостный.

– Не только ты совершаешь что-то такое, о чем впоследствии жалеешь всю жизнь.

Егор смерил его нечитаемым взглядом, но затем достал из кармана пальто аккуратно смотанную нить и коротко спросил:

– Ну, и что я должен делать?

Дмитрий чувствовал, как его сердце бьется где-то в горле, и отвернулся, не в силах смотреть, как тонкие пальцы Егора осторожно вплетают обрывок в почти полупрозрачные волокна основной нити. Слишком легко порвать, слишком страшно надеяться. Дмитрий сжал кулаки в карманах, стараясь успокоиться. Даже если бы он мог касаться полотна Изнанки, он бы всё равно не смог починить Наташину нить – его руки дрожали так, что он бы просто испортил всё неосторожным движением. Нет, всё-таки хорошо, что он рискнул положиться на Егора. Парень ещё не безнадёжен. Может теперь, когда всё улажено...

– Фух. – Егор вытер несуществующий пот со лба и повёл плечами, разминаясь. Затем, на секунду он замер, и ещё раз потянувшись к нити, осторожно её разгладил. Дмитрий нетерпеливо взгляделся в полотно, забывая дышать.

Нить была вплетена не очень аккуратно, и оставшийся конец непрожитого пока будущего торчал из Полотна, но Дмитрий знал, куда смотреть. В месте сплетения волокна уже медленно, но нарастали, признавая новый отрезок как свой собственный, укрепляя маленький узелок. Со временем на нити нарастут нужные волокна, а торчащий конец заправит сам себя в Полотно, его переплетут новые нити чужих судеб, с которыми она пересечется, и ничто не будет напоминать о произошедшем.

– Спасибо. – С чувством выдохнул Дмитрий. Он протянул дрожащую ладонь для рукопожатия и Егор, на секунду

ду заколебавшись, протянул свою руку и крепко сжал её в ответ. Дмитрий почувствовал, как не отпускавшее его весь день чувство тревоги наконец-то покидает тело, и он, кажется, снова начинает дышать полной грудью, а сердце вот-вот вырвется наружу от облегчения...

– Ой, господин маг... – Глаза Егора, похожие на голубые капли, удивлённо распахнулись, парень воззрился на что-то позади мага и выпустил его руку. – Смотрите! Птичка! Интересно, что она тут делает?

Дмитрий медленно обернулся и уставился на местный аналог дерева. На нижней тонкой ветке действительно сидела крохотная серо-коричневая птичка, и цветом, и размером напоминавшая воробья. Она склонила голову набок, черные глазки-бусинки внимательно смотрели на людей.

Дмитрий почувствовал, как что-то внутри оборвалось, и сердце рухнуло вниз.

* *

Мысли Дмитрия неслись со скоростью испуганного табуна, но, как ни странно, при этом он видел себя и всё вокруг, словно при замедленной съемке.

– Ну, вот и всё. – Со странным спокойствием подумал он, в то время как фоном в голове другая его часть лихорадочно перебирала варианты.

«Бежать? Ткачи догонят их в два счета. Нырнуть на Лицевую? А Егор? С ним выйдет в разы медленнее, их просто не выпустят. Оставить его здесь?»

Дмитрий почувствовал кратковременный укол совести, от которого он тут же отмахнулся. Сейчас надо думать о выживании. Да, он действительно мог бы сейчас провалиться на Лицевую, но...

Егор может сдать его с потрохами. Если он оставит мальчишку тут, то всё, сделанное сегодня их руками, может пойти прахом. Всё, ради чего он согласился на эту работу, будет разрушено. Он не мог этого допустить. Но и сделать ничего не мог.

Если бы он только мог убить Ткача...

Маг вздрогнул, по спине его пробежал ледяной холод, а темные волоски на руках встали дыбом при этой мысли. Убить Ткача? Никто никогда не убивал Ткачей. Это просто немыслимо. Всё равно, что убить Бога... нет, даже ещё невероятнее. Словно убить само Время.

Можно ли вообще убить Ткача?

Вот он – маленькая птичка на ветке, которая может уместиться в его кулаке. Вот он – Страж Равновесия, Хранитель Изнанки, угроза жизни Дмитрия и Егора – а также, возможно, жизням их любимых людей.

Может ли человек убить Ткача?

И что случится, если Дмитрий его убьет?

Маг чувствовал, как капля пота стекает по его левому виску.

«Думай-думай-думай-думай!»

«Диверсия? Прорвать нити, скажем, за спиной Ткача, и

сделать ноги? Тогда хватит времени и на то, чтобы вытащить Егора...»

«Это всё бесполезно. Ты не сможешь скрыться от Ткача на Изнанке. Ты не сможешь скрыться от Ткача на Лицевой. Ты сам знаешь, что Полотно едино, даже если нырнуть на ту сторону, Ткач просто вырвет твои нити на Изнанке – и тебя будто и не бывало. А если ты ещё и уничтожишь часть Полотна... представь, что с тобой могут сделать. Просто сдайся.»

Дмитрию казалось, что время, которое на Изнанке и так чисто умозрительно, совсем остановило свой бег. Всё, что оставалось – маленькие черные глазки-бусинки, прожигающие в нём дыру до самой души, заставляя её плавиться в агонии.

Он знал, что они рисковали, он должен был отказаться, он должен был пойти....

– Надо же, на воробушка похожа. – Тем временем Егор сделал шаг к дереву, пытаясь рассмотреть птичку поближе. – Я не думал, что животные могут ходить на Изнанку... это бы объясняло, куда постоянно пропадают... – Паренёк обернулся к магу, продолжая говорить по инерции, но осознание, кажется, наконец, настигло и его. – ...кошки.

Голубые глаза Егора распахнулись так широко, что, казалось, они вот-вот выкатятся из орбит, а и без того бледная кожа резко посерела. Видимо, что-то в лице Дмитрия выдавало всю тяжесть их ситуации, потому что паренёк сглотнул

и ещё раз взглянул на птицу.

Между тем, Ткач что-то прочирикал и слетел на ветку пониже. И через секунду к нему откуда-то сверху слетел ещё один. И ещё. И ещё. И ещё.

Вскоре всё дерево было обсыпано птицами, как спелыми плодами.

Сотни маленьких глазок уставились на двоих нарушителей. Ткачи, меж тем, перечирикивались между собой, прыгая и порхая с ветки на ветку, вероятно, решая их судьбу.

– Мы можем что-то сделать? – Прошептал Егор едва шевелящимися губами, и голос его был голосом маленького ребенка, в ужасе цепляющегося за штанину всемогущего взрослого.

Вот только на этот раз всемогущих взрослых рядом не было.

Дмитрий медленно покачал головой.

Между тем у Ткачей происходила оживлённая дискуссия. Дмитрий заметил, что в беседе участвовали лишь с десяток птиц, остальные просто смотрели на них с Егором, отслеживая каждое движение.

– Может, поговорить с ними? Объяснить всё? Что мы не сделали ничего плохого, а наоборот, всё исправили? – Снова зашептал Егор.

Дмитрий скосил глаза на парнишку. Такая мысль его не посещала, но, опять же, сам Дмитрий никогда не встречался с Ткачами. Среди магов ходили легенды и истории про

то, как Ткачи легко и непринуждённо находят провинившихся в любой точке Полотна и с такой же лёгкостью вырывают их нити из Гобелена Вселенной – Килима, как его называли ведьмы. Ни одной истории о том, что с Ткачами можно договориться, не было.

Дмитрий глубоко выдохнул и сделал шаг вперёд, прочищая горло.

– Простите, господа. Мы знаем, что мы нарушили правила. Но мы сделали это без злой воли. Маги понимают, почему Изнанку закрыли, но вред, нанесённый нами же ранее, остался. Прорехи продолжили разрастаться. Мы пришли на Изнанку не чтобы навредить Полотну, а наоборот, чтобы разглаживать нити и распутать узлы, которые мы завязали ещё в то время, когда проход не был запрещён.

Дмитрий задержал дыхание, чувствуя, как кровь приливает к лицу и стучит в ушах. Он не был уверен, что его поняли. Он не был уверен, что Ткачи в принципе понимают человеческую речь или что это может хоть как-то повлиять на исход дела.

Чириканье на мгновение стихло, участвовавшие в «беседе» Ткачи повернули головки, внимательно разглядывая мага.

Дмитрий не ждал ответа, а потому пошатнулся, когда неожиданный голос обрушился – да, именно обрушился – на него. Голос этот не принадлежал ни мужчине, ни женщине, и даже если бы маг сосредоточился, он не смог бы с уверенно-

стью сказать, говорил это один человек или несколько в унисон. Более того, он не был даже уверен, что слышит ЗВУК – не столько слова, сколько сами смыслы раскатами грома вспыхивали у него в голове, перекатываясь и утихая по мере появления новых.

– Мальчик, может быть, и да. А ты – нет. Он пришёл распутать. А ты пришёл оторвать.

– Я исправлял ошибку! – Возразил Дмитрий, но Ткачи словно потеряли к нему всякий интерес, вернувшись к своей мелодичной дискуссии.

– Не сработало... – Полувопросительно-полуутвердительно выдохнул Егор, а затем с нервным смешком плюхнулся на землю. Дмитрий бросил на него непонимающий взгляд, на что парень лишь пожал плечами.

– Ну, мы, очевидно, можем только ждать. Всё, что остаётся – устроиться поудобнее. – Егор помолчал, кусая губы, а затем тихо добавил. – Я лишь надеюсь, что с Мариной всё будет хорошо. Если меня сотрут... – Тень какой-то мысли промелькнула в глазах Егора. – Если меня сотрут... её жизнь ведь вернётся к исходному состоянию, верно? Словно ничего и не было...

Неожиданно он вскочил, неловко покачнувшись и едва удержав равновесие, и подскочил к дереву.

– Господа Ткачи! Это всё я виноват! Сотрите меня! Это я нанял мага, чтобы он провёл меня на Изнанку! Это я колебал нити и отрывал их!

Дмитрий потерял дар речи. Этот малахольный что, серьёзно решил вот так пожертвовать собой?

С другой же стороны – если бы его смерть могла спасти Наташу... если бы его не было, никто не провёл бы того бизнесмена на Изнанку? Или провёл бы кто-то другой? Он не знал. Он ничего не знал и ненавидел это. А ещё ненавидел себя за то, что размышляет об этом, в то время как сопливый мальчишка не думает, а просто встаёт и...

– Парень не виноват. – Дмитрий почти с удивлением услышал собственный голос. – Просто верните парнишку домой, он тут не причем, совсем ещё глупый. А я знал, на что иду. Без меня бы он сюда не попал.

Егор округлил глаза, видимо, не ожидая такого от мага. Да что там, Дмитрий сам не ожидал.

Но их выступление, похоже, внесло сумбур и в без того хаотичную беседу Ткачей. Птичьи страсти накалялись, и спор явно выглядел агрессивней, чем раньше.

Ткачи гневно перечирикивались между собой – судя по всему, мнения, что с ними делать, разделились. Наконец, после одной, особенно громкой трели, всё стихло.

Внезапно воцарилась тишина, вполне естественная здесь, на Изнанке, но после многоголосого щебета казавшаяся оглушающей.

Один из Ткачей – совсем крохотная птаха – вспорхнул вниз и приземлился на землю перед Дмитрием. Задрал голову, Ткач поймал взгляд мага, и тот почувствовал, что его,

как магнитом, затягивает в черные дыры-бусинки. А затем в царящей тишине раздался оглушительный шорох, и нити, образующие землю под ногами Дмитрия, расступились, расползаясь в сторону, как гнездо потревоженных змей – и маг провалился вниз, в непроглядную колышущуюся темноту.

Если Егор провалился вместе с ним, то Дмитрий этого не увидел – тьма моментально поглотила его, и он даже не мог разглядеть свои пальцы. Единственный источник света – стремительно удаляющееся прореха в полотне, сквозь которую пробивался свет с Изнанки – и то, казалось, он боится разлившейся перед ним тьмы. А затем исчез и он, когда полотно, латая само себя, сомкнулось у мага над головой.

Дмитрий падал куда-то... вниз? Вверх? В непроглядной тьме он не мог даже приблизительно сказать направление. Это его наказание? Вечно падать куда-то... куда? Он явно оказался вне Полотна... Именно так ощущается, когда твои нити вырывают? Ты просто остаешься на обочине мира? Вечно падаешь в ничто, постепенно теряя рассудок в отсутствии места и времени?

Тьма словно размывала его границы, начиная от границ тела, заканчивая границами между мыслями и чувствами, расплывающимися и сплавляющимися в единое серое неопределимое.

Что он чувствовал сейчас? Смирение? Боль? Страх? Удивление? Отчаяние?

Отчаяние.

Пожалуй, это было оно.

Он не смог. Он подвёл Наташу. Он не знает, что Ткачи сделают с её нитями и не решат ли просто выдернуть их всех из полотна, потому что так проще? Или...

Тьма, казалось, сгущалась, становясь плотной и более осязаемой, хотя казалось, что это попросту невозможно. Она не была однородной. Она переливалась всеми оттенками тьмы, недоступными человеческому глазу, она... дышала. Она набирала цвет... если так можно было сказать о тьме.

И, наконец, когда темнота достигла совершенно немислимых оттенков черного, Дмитрий увидел тусклый свет, приближающийся откуда-то снизу и сбоку.

Он попытался развернуться в своём падении, чтобы разглядеть его источник – и почувствовал... он не мог описать. Он увидел нечто такое, чего, наверное, никогда не доводилось видеть ни одному человеку.

В живом движущемся мраке плыла невероятных размеров конструкция, составленная из нитей, и светящаяся нежным тёплым светом. Из множества округлых входов то и дело то вылетали, то влетали Ткачи.

А сквозь самый большой – видимо, главный вход, был виден огромный клубок, от которого прилетавшие Ткачи отщипывали по крохотным кусочкам – и выпархивали обратно во тьму.

– Гнездо... это же... Гнездо! – Успел пораженно подумать Дмитрий, прежде чем голодная тьма разинула пасть и погло-

тила его окончательно.

* *

Три месяца спустя.

Наташа внезапно проснулась, как от толчка, и медленно села на кровати, пытаюсь понять, что её разбудило. В спальне царил темнота, лишь за окном конус света от фонаря выхватывал из ночного мрака медленно лежащиеся хлопья снега. Было тихо, электронные часы безмолвно показывали 3.15 утра. Наташа вздохнула и, кутаясь в одеяло, спустила ноги на прохладный пол. В последнее время она стала плохо спать. Мысли одолевали её и днём, но ночью, словно голодные собаки, срывались с цепи, пытаюсь напрыгнуть и поглотить её целиком.

Уже больше месяца Наташа периодически просыпалась в три пятнадцать. словно подсознание зацепилось за эту точку во времени, напоминая о том, что сама Ната, наверное, предпочла бы забыть. Она могла ошибаться, но именно в это время тогда, в ту памятную ночь октября, она впервые почувствовала беспокойство за Диму.

Наташа перевела взгляд на темный силуэт спящего мужа. Его не тревожили кошмары, а если и тревожили, то по его виду нельзя было этого сказать – Дмитрий спал, как убитый, если прислушаться, можно было различить его ровное дыхание.

Она ему завидовала... Как она ему завидовала! Тому, что он может спокойно спать, тому, что он так просто мог ре-

шить, что ему подвластны чужие судьбы – и не сомневаться в принятом решении.

Саму Наташу терзали сомнения. Раньше, наверное, она бы злилась, ей бы хотелось кричать, швыряться посудой и, возможно, даже плакать. Но сейчас, несмотря на сомнения, она чувствовала странное внутреннее равновесие. Будто некий кусочек головоломки внутри встал наконец-то на место. И теперь она всё видела в новом свете.

Но понимать, что делать дальше, она от этого больше не стала.

Наташа тихо встала и бесшумно выскользнула из спальни на кухню, включила светодиодную полосу над стойкой и налила себе воды из графина. Пить не хотелось, но холодный стакан в руках немного успокаивал, позволяя сконцентрироваться и ухватиться хотя бы на одну из разбегающихся мыслей.

Она не знала, что делать дальше.

Она не знала, благодарить Волчка или проклинать её. Хотя нет, конечно нет. Девочка ни в чем не виновата. Всё было сделано до неё. И, наверное, на месте Волчка Наташа поступила бы также... наверное.

Тем утром Наташа проснулась на кухне Максимы. Она совершенно не помнила, как ей удалось уснуть – может, не обошлось без ведьминской магии. А может, сказала общая слабость и эмоциональная усталость. У неё просто не осталось сил. А разбудил её крепкий аромат кофе.

Наташа помнила, как подскочила, сердце заходилось от страха, а дыхание перехватывало от надежды – и как ещё больше испугалась, увидев мрачное лицо Максимы. Но та, поймав взгляд Наташи, неожиданно тепло улыбнулась. Однако улыбка продержалась недолго – уже через несколько секунд уголки полных губ устало скользнули вниз.

Ведьма покачала головой.

– Не волнуйся. Он уже дома. Спит. То, что он планировал сделать на Изнанке... у него получилось.

Как чувствует себя летящий ввысь воздушный шарик, который вот-вот лопнет от переполняющего его гелия?

Наташе казалось, что это она – этот самый воздушный шарик, наверное, солнечно-желтый или небесно-голубой, с каким-нибудь дурацким рисунком или надписью вроде «желаю счастья».

Какое счастье.

– Но то, что он сделал... не прошло бесследно. – Уже тише продолжила Максима, уверенной рукой разливая из медной советской турки черный густой кофе со специями. – Он был наказан.

Да, так пахнет тот вечер в её воспоминаниях. Запах счастья, облегчения и отчаяния, замешанных в равных пропорциях. Корица, мускат, кардамон.

– Наказан? Но как? Что произошло?

Максима устало опустилась на древнюю колченогую табуретку, скрипнувшую под её весом, однако упорно отказы-

вавшую разваливаться, и вздохнула. Было похоже, что она не спала.

– Об этом тебе лучше расскажет Волчок. Она сейчас в ванной, приводит себя в порядок. Девочка сделала всё что могла, но она появилась, когда Димку с его клиентом уже нашли Ткачи. Волчку пришлось вмешаться, поссориться с несколькими из своих. Но это не страшно. Кровные связи крепки, обида забудется. – Максима криво усмехнулась. – Димка на этот раз, пожалуй, истратил всю свою удачу. Его работу не стали ломать, и самого не стали стирать из Килима. Он жив и здоров, в своем уме (если, конечно, он когда-то вообще в нем был), но...

– Погоди... Ткачи? – По Наташиной спине пробежал холодок, а в горле встал ком, но она решительно сглотнула и продолжила, чувствуя, как постепенно картинка начинает складываться в голове... – Так вот почему ведьмы никогда...

– Не все Ткачёвы – ведьмы, и не все ведьмы – Ткачи! – Раздался голос откуда-то слева. Наташа повернула голову и увидела в дверном проёме устало, но довольно улыбающуюся Волчка. Мокрый ёжик её волос в утреннем солнечном свете вспыхивал огненными прядями. Молодая ведьма решительно откинула занавес из красных бусин и села на соседний стул, между Наташей и Максимой, затем пожала плечами.

– Спор был в самом разгаре. Так что я едва успела вмешаться. Твой муж помог мне, это правда. Они приняли это

во внимание. Но всё же... он нарушил правила. Он сделал это из собственных эгоистичных побуждений. Он получил за это деньги. Мы долго совещались. В итоге, суд принял решение. Дмитрий не вспомнит ничего из этой ночи. Он будет думать, что заказчик его просто кинул. Денег за работу он тоже не получит. Мы пожертвуем их приюту для животных или ещё на что-то.

Наташа и не осознавала, как до этого были напряжены все её мышцы, как прямо она держала спину. Теперь же, когда облегчение начало растекаться по её телу, она обессиленно откинулась на спинку софы.

– И... всё? Это всё?

– Не совсем. – Волчок покачала головой. – Наталья... Ты ведь догадываешься, почему он пошёл на Изнанку? Ты больше не больна. Но Дмитрий об этом не знает. Он будет думать, что ему не удалось. Что он не нашёл лекарства. Он будет считать, что всё кончено, что спасения нет, до тех пор, пока ты не проживёшь ещё один месяц... затем ещё один... и ещё. Он будет считать это чудом, удивительным подарком небес. Возможно, это заставит его задуматься...

– Но... но зачем? – Наташа искренне не понимала. – Зачем заставлять его так мучиться? Я ведь могу просто рассказать ему, если... это ведь правда?

Волчок нахмурилась и сурово взглянула в лицо Наташе.

– Конечно, правда. Но дело не в этом. Во-первых...

– Он, скорее всего, не поверит, – продолжила Максима,

задумчиво отхлебнув из чашки, – так работают наказания. Их положено отбывать.

Волчок согласно кивнула.

– А ещё... – Молодая ведьма кинула быстрый взгляд на Максиму, и та, словно зная, о чем идёт речь, недовольно поджала губы, отвернув голову. Волчок нахмурилась.

От Наташи не укрылись их странные переглядки, но обе ведьмы лишь отмахнулись от её дальнейших расспросов. Похоже, у них возникло некое разногласие, но о его причине ведьмы так и не сказали.

– Делай, как знаешь, – наконец, вздохнула Максима и, кивнув Наташе, направилась в сторону дверного прохода. – Ната, пожалуй, тебе пора.

Это был самый непрозрачный из всех намёков в Наташиной жизни, но она не обиделась. Наверное, ведьмам действительно виднее, когда кому-то пора, а когда – нет.

– Я провожу. – Вызвалась Волчок. – Ты ведь не знаешь знак порта для своей квартиры? Нет, конечно нет...

– В коробке с документами на втором сверху шкафчике. – Донёсся голос Максимы из недр квартиры.

– Аа-га. – Волчок пододвинула стул и ловко вскарабкалась на него, доставая искомую коробку из-под конфет, в которой теперь лежали различные бумажки и чеки. – Ага, вот он. Полагаю, Максима предпочтёт, чтобы я его перерисовала, нежели использовала, как есть. Так, эта стена подойдет... вижу, её для этого и используют...

Наташа терпеливо ждала, пока Волчок перенесёт мелом рисунок, а юная ведьма болтала обо всём и ни о чем, словно пытаясь заполнить тишину, или просто думая вслух. Наконец, символ был дорисован.

– Ну... всё готово. – Волчок несколько секунд помолчала, изучая своё творение. Наконец, она взглянула на Наташу и коротко кивнула, словно самой себе. Что-то в её взгляде внушило Нате тревогу. Её шестое чувство, как в шутку называла его мама, снова проснулось, прогрызая путь изнутри.

– Что... что не так? – Выдавила она из себя.

Волчок на секунду замерла, затем татуированные змеи на её руках нырнули в карман кигуруми.

– Я... я думаю, ты должна кое-о-чем знать. Это... – она поднесла к лицу Наташи открытую ладонь, на которой лежала, свернутая петлёй, тонкая зеленоватая нитка, – это его воспоминания. Эта ночь и... и не только. То, что они... то, что *мы* удалили. Я считаю, что ты должна знать, что он сделал. Почему и ради чего. Он не помнит, но... кто-то должен. И... я считаю, что тебе нужно кое-что узнать. Если ты сейчас откажешься, я их сожгу. Я должна была их сжечь. Но если ты захочешь...

– Я хочу. – Наталья выпалила это, не задумываясь, едва слыша собственный голос из-за гула крови в ушах. – Я возьму её.

– Максима думает, что ты будешь сожалеть об этом. Но я считаю, что ты должна знать правду о человеке, с которым

живёшь. Правда... открывает глаза. – Тихо произнесла Волчок. И обернула нить вокруг Наташиного мизинца...

Максима была права. Наташа сожалела об этом. Но одновременно – и не сожалела. Тот первый день... Наташа не знала, как выдержала его. Как телепортировалась в квартиру, поцеловала мужа, когда он проснулся. Как отправилась на работу, словно в полузабытьи. Вернулась домой, как ни в чем не бывало. Как смотрела на Дмитрия, словно видя его впервые. Она всегда подмечала все эти мелкие морщинки вокруг любимых глаз, движения губ, то, как он склонял голову или хмурился. Признаки того, что он волнуется за неё. Что он переживает. Боится, что потеряет её. Что её не станет.

Она ничего ему не сказала.

Прошло уже три месяца, и она по-прежнему не знала, что ему сказать.

Любила ли она его? Да. Она любила его по-прежнему, по-прежнему восхищалась его силой воли и нежеланием сдаваться.

Простила ли она его? Нет. Не простила. И не знала, сможет ли простить когда-нибудь.

Сможет ли она дальше жить, как прежде?

Она не знала.

Иногда, в особенно невыносимые тихие ночи ей хотелось кричать от несправедливости всего происходящего, от жестокости Ткачей и – в особенности – Волчка, но...

Она не знала, что бы сделала на месте Димы. Она не знала,

что бы сделала на месте Волчка. Чёрт подери, она не знала, что бы сделала на своём месте! До сих пор не знала.

Она ужасалась и поражалась самой себе, с кристальным спокойствием принимая заботу мужа, видя, как он боится. Она любила его. И ей было невыносимо больно видеть, как он страдает. Но молчала. Потому что так отбывают наказания.

И в одном всё-таки Волчок была права -
Правда открывает глаза.